

ОЛЕ КЛИФФОРД

МАНИПУЛЯТОР

16+

Оле Клиффорд
Манипулятор

«Автор»

2019

Клиффорд О.

Манипулятор / О. Клиффорд — «Автор», 2019

Бывший компьютерный хакер, Миккель Алварсен, и американский частный детектив, Харри Макфалейн, участвуют в расследовании по заданию американской фармацевтической компании «ГлобалХим», находящейся на грани банкротства из-за мирового кризиса. Они полагают, что это будет простая процедура экспертизы, но расследование получает неожиданный поворот. Миккель и Харри идут по следу всемирной исследовательской сети, экспериментирующей в тайных европейских клиниках над созданием генетически модифицированных копий умерших известных личностей. Вскоре они обнаруживают, что находятся в смертельной паутине заблуждений и обмана, а исследователи неохотно раскрывают тайны своего прибыльного дела. Оправданна ли «генетическая терапия плода» для исцеления врожденных пороков, которая идет вразрез с предубеждениями мировых органов здравоохранения и комитетов по этике? В своем захватывающем и познавательном романе Оле Клиффорд заставляет читателей задуматься над фундаментальными вопросами жизни.

© Клиффорд О., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

53

Очень важно не перестать задавать вопросы.

*Альберт Эйнштейн
(1879-1955, немецкий ученый)*

1

Доктор принял все меры предосторожности, чтобы роды в воде были незабываемым событием. Большая ванна-джакузи была тщательно вымыта, дезинфицирована и наполнена водой, нагретой до температуры тела; сама ванная комната украшена пальмовыми ветвями, розами и свечами, около ванны стоял столик с необходимыми инструментами и медикаментами, играла приятная музыка.

Конечно это был необычный доктор, он пошел на такие сложные приготовления к родам, поскольку должен был стать отцом этого желанного ребенка от красивой и любимой жены.

Они планировали момент зачатия в соответствии с наиболее выгодным астрологическим прогнозом. Он, ибо они уже знали пол ребенка, не родится только лишь в богатой семье, младенец унаследует все умственные и физические данные, которые необходимы для успешной жизни, будет талантлив, благодаря своему отцу, который обладает нетрадиционными научными знаниями.

Доктор лично наблюдал свою жену на протяжении всего срока беременности: от обычной утренней тошноты и рвоты до момента начала схваток. Когда начались схватки, он быстро подготовил все для родов в ванной комнате.

Они решили, что никто не должен присутствовать во время рождения их ребенка, — это должен был быть интимный момент семейного торжества. Доктор разделся и опустился в теплую воду рядом со своей женой. Прошел час, который, казалось, тянулся вечно, и все это время он сидел позади нее, поглаживая и успокаивая. Спустя несколько часов схватки стали чаще, а боль все сильнее, женщина не могла ее уже терпеть; боль подавила все другие ее мысли и желания. Он делал все возможное, чтобы ей стало легче.

Она тяжело и прерывисто дышала, затем вдруг задержала дыхание и, собравшись с последними силами, глубоко вздохнув, начала тужиться. Он просил ее тужиться сильнее, и она, сделав последние усилия, вскрикнула и затихла. Только тогда волосатая головка появилась у нее между ног. Он увидел головку ребенка и потянул ее осторожно, пока не почувствовал, как младенец выскользнул. Дыхание его жены остановилось, и ее тело обмякло.

Доктор осмотрел сына, связанного с матерью пуповиной, затаил дыхание, положил ребенка обратно в джакузи и посмотрел на жену.

Она лежала неподвижно: прядь медных волос была видна над краем ванны, голова соскользнула под воду. Он не имел ни малейшего представления, сколько прошло времени; у его жены не было никаких признаков жизни, она не дышала. Он быстро посадил ее в ванной и начал искать пульс, пульс не прощупывался. Он сразу же применил искусственную реанимацию, вначале рот в рот, а затем, когда это ничего не изменило, попытался вытащить ее из воды. Тело его жены было мокрым и скользким, он не мог его вытянуть, доктор скользил и падал, но не чувствовал никакой боли. В конце концов, он догадался вытащить пробку, и в то время как из джакузи медленно уходила вода, продолжал свои попытки реанимации.

Когда из ванной ушла вся вода, он сделал интенсивный массаж сердца и продолжал еще в течение получаса, пока не почувствовал головокружение, понимая, что истощен и его силы на исходе.

Доктор посмотрел на новорожденного, который все еще лежал в ванной, — у него были медно-рыжие волосы как у матери. У младенца не было глаз, и только зияющая дыра на месте, где должны были быть рот и нос. Ребенок не двигался. Доктор медленно вышел из ванной

комнаты, взглянул на пальмовые ветви, розы и зажженные свечи, посмотрел в неверии на свою умершую жену, затем на ребенка-урода, и обессиленный упал на колени.

Его губы шевелились, но слышно было только хриплое бормотание: *«Почему?»*.

2

Вена, Австрия

В кабине грузовика было занято два сиденья рядом с водителем и еще три за его спиной. Водитель говорил по телефону и сообщил кому-то, что он приближается к месту назначения. Затем повернул направо, припарковался на Зиммерингер Хауптштрассе и выключил фары.

Пятеро мужчин прыгнули с грузовика, а водитель остался сидеть на своем месте, включив аварийные огни. Было только 4 утра, еще не рассвело, но бригада рабочих утверждала, что и в скудном свете зари они в состоянии справиться с заданием без каких-либо проблем, даже с завязанными глазами, так как долго готовились к нему.

Один из мужчин опустил задний борт грузовика, в то время как двое других достали армированные металлические дорожки, представляющие собой пандус. Четвертый мужчина уже сидел в узкой кабине экскаватора, заведя его двигатель, а пятый выставил ограждения вдоль рабочей зоны. Все мужчины были одеты в желтые жилеты со светоотражающими полосами и были хорошо видны на дороге. Для проезжающих машин, в еще редком венском утреннем движении, наличие бригады рабочих не было необычным зрелищем. Экскаватор был спущен и вскоре исчез в воротах кладбища.

Через несколько минут микроавтобус с прицепом, заполненным рабочим инструментом, подъехал к воротам кладбища. Бригада ландшафтных дизайнеров, которая сидела в микроавтобусе, высадилась на тротуар в 15 минутах ходьбы от Центрального кладбища — второго по величине кладбище в Европе.

Теперь вся рабочая сила составила двенадцать человек, они встретились в назначенном месте в назначенное время и поприветствовали друг друга.

Несколько рабочих установили четыре мощные галогеновые лампы и направили их на могилу, в то время как кран, который был доставлен на кладбище накануне вечером, готовился поднять четырехтонный обелиск с именем Бетховена¹, украшенный в центре золотой лирой. Когда все подготовительные работы были закончены, кран начал медленно поднимать обелиск, и только после того как поднял его на нужную высоту, опытные рабочие аккуратно толкнули обелиск на деревянный каркас, построенный для этой цели.

Цветы и растения вокруг могилы были аккуратно выкопаны и помещены в специальные боксы. Тем временем другие рабочие начали демонтировать низкую чугунную ограду, прикрепленную по четырем углам к декоративным каменным колоннам. Они изучили все детали кованой ограды по фотографиям и теперь работали осторожно, и резали автогеном в тех местах, где ограда заржавела.

Один из мужчин завел экскаватор и начал рыть ямы на полметра глубиной по четырем сторонам могилы. Менее чем через 10 минут все было готово.

Мужчины разделились на две группы по шесть человек и встали по противоположным сторонам, каждый около направляющих стальных труб. Взревел пневматический насос, и стало слышно, как стальная проволока натягивается под могилой с огромной силой. Когда проволока со всех сторон была полностью выведена и собрана в специальную застежку, один из рабочих прикрепил ее к подъемному механизму, плита медленно начала подниматься.

Могила Бетховена была открыта.

---

¹ Людвиг Ван Бетховен — великий немецкий композитор и пианист, последний представитель «венской классической школы».

Двое мужчин прыгнули в нее и открыли гроб, который мгновенно развалился. Третий мужчина тоже прыгнул в могилу, открыл стерильный пластиковый бокс, извлек скальпель, взял образцы тканей из остатков разложившегося тела. Обеспечив достаточное количество образцов, он поместил тщательно маркированные контейнеры в сумку и закрыл ее, поднялся из могилы и, кивнув бригадиру, быстро направился к выходу с кладбища. Мужчина отправил короткое сообщение с телефона и затем вернулся к микроавтобусу, снял защитную обувь, рабочую одежду, которая скрывала его деловой костюм, белую рубашку и шелковый галстук, и спустя мгновение он пересел в *Mercedes*, который поехал по направлению к аэропорту Вены.

Рабочая бригада, которая теперь состояла из одиннадцати человек, начала процедуру возврата обелиска на прежнее место. Единственной оставшейся задачей было вернуть все на свои места, чтобы все выглядело с точностью до эпохи Ренессанса и невозможно было даже заметить, что что-то изменилось. Требовалась ювелирная работа, чтобы сварочные швы, где была разобрана чугунная ограда полчаса назад, выглядели как и прежде, и менее чем через 30 минут все вернулось на свои места.

Работа, которая продолжалась почти 2 часа, к 6 утра была закончена. Один из рабочих убрал ограждения и запрыгнул в кабину грузовика, водитель включил фары и медленно влился в движение на Зиммерингер Хауптштрассе.

Когда первые туристы появились на Центральном кладбище около 9 часов утра, чтобы посмотреть на могилы Бетховена и Шуберта², расположенные рядом друг с другом, никто не заметил ничего необычного, кроме того факта, что могила Бетховена была ухожена лучше, чем соседняя. Туристы сделали фотографии, прочитали надписи на надгробиях и продолжили свой путь для ознакомления с другими историческими захоронениями.

3

Бак Фрейзер стоял у окна на 68-ом этаже одного из лучших офисных зданий Нью-Йорка, рассматривая уличное движение.

5-ая авеню с движением в пять полос была загружена автомобилями, казавшимися из окна его офиса какими-то игрушечными машинками, которые кто-то приводит в движение: они проехали несколько сотен метров, остановились, а затем снова поехали в одну длинную бесконечную линию. Смотря вниз на движение машин, Бак думал о том, что жизнь на Манхэттене продолжается независимо от финансовых кризисов, терроризма, смены президентов и войн.

Расположение офиса на 57-й улице, всего в нескольких кварталах от недавно отреставрированного отеля *Плаза* и сети магазинов *Бергдорф Гудман, Ван Клефс & Арпел* и *Тиффани*, было престижно для акционеров и партнеров по бизнесу. Но для председателя и главного исполнительного директора фармацевтического гиганта *ГлобалХим* расположение офиса на Манхэттене, впрочем, не имело практического значения. Менее чем за девять месяцев финансовый кризис снизил стоимость акций почти на пятьдесят процентов, и, хотя компания была в финансовом отношении все еще крепкой и мощной, с сорока пятью тысячами сотрудников по всему миру, она столкнулась с худшими временами — сокращения и увольнения были неизбежны.

Несмотря на то, что 63-летний Бак Фрейзер приближался к пенсионному возрасту, он не собирался выходить на пенсию. На протяжении многих лет он видел, что цены на акции и обменные курсы растут и падают, и в зависимости от того, были ли вы инвестором или спекулянтом, существуют значительные различия в характере реагирования. Он соглашался с финансовыми экспертами, что случайное снижение стоимости акций компании далеко не отражает истинную внутреннюю ценность.

² Франц Петер Шуберт — австрийский композитор, один из основоположников романтизма в музыке.

Это был трудный и длинный путь, который обеспечил экономическую стабильность. Но в разгар одного из худших финансовых кризисов в мире, который он когда-либо видел, было бесполезно пытаться объяснять акционерам и прессе на Общем собрании, которое должно в скором времени состояться, что исследовательские инвестиции компании были колоссально огромны, — не на миллионы, а на миллиарды. И может пройти семь, восемь или даже десять лет до того момента, когда новый препарат будет выведен на рынок и когда самая крупная и технически оснащенная фармакопея в мире, выдающая лицензии на выпуск новых препаратов, — FDA³, одобрит его. Даже в здоровой экономике акции могут упасть на десять, двадцать или тридцать процентов в течение нескольких дней.

Бак Фрейзер или *Старый бульдозер*, так он был прозван по понятным причинам, не был готов к Общему собранию акционеров. После 40 лет работы в фармацевтическом бизнесе он, наконец, достиг той силы, когда она может быть применена. Но *все зависело от того*, как мир будет реагировать на чрезмерно осторожные заявления, снижение цен на акции и мрачные перспективы, которые он сочтет необходимым представить на ежегодном Общем собрании. На этот раз не к кому было обратиться за советом.

Бетти Вэйн Райт была его секретарем на протяжении многих лет. С помощью аукционов на акции и бонусы она заработала достаточно денег, чтобы раньше выйти на пенсию и жить комфортной жизнью в южной Флориде или на Французской Ривьере и никогда не появляться в офисе. С разрешения Бака она позволяла себе частые отпуска, но каждый раз, когда он сталкивался с проблемами, ей удавалось создать для *Старого бульдозера* план словесного спарринга с партнерами с военной точностью.

Бак Фрейзер нажал зеленую кнопку на устаревшей системе внутренней связи, которую он сохранил, несмотря на протесты со стороны всех сотрудников офиса, и прорычал: «*Мне нужно ваше мнение по одному вопросу. Зайдите!*».

Через мгновение Бетти Вэйн Райт молча пересекла персидский ковер и села в кресло для гостей. Худая секретарь с короткой стрижкой каштанового цвета волос посмотрела на него скептически.

— У вас не будет никакой необходимости записывать что-либо прямо сейчас. — Бак откинулся на спинку кресла и положил ноги на край стола. — Некоторое время назад мы получили предложение на лицензионные права на ряд патентов, которые были связаны с генетическими исследованиями. Я уверен, что вы помните. Что вы на самом деле думаете об этом?

— Вы имеете в виду *Гениом*?

Он посмотрел на нее мрачно.

— Если бы я вспомнил название компании, я бы не позвал вас. Во всяком случае, расскажите мне, что вы знаете о *Гениом*. — Он заметил улыбку на ее бесцветных губах и добавил: — Что вы находите таким веселым?

— У вас новый стиль в одежде или же вы стали дальтоником за одну ночь?

— О чем вы говорите?

— Зеленый галстук с фиолетовой рубашкой и темно-синий костюм... Боже мой! — Она покачала головой. — Я думала, что руководящая должность подразумевает костюм в тонкую полоску, белую рубашку и ненавязчивый галстук...

Бак Фрейзер засмеялся, показывая дорогие белые импланты.

— Я рад видеть вашу реакцию, Бетти! Идея заключается в том, чтобы послать новый импульс жизненной силы и энергии в мир. Вы молоды настолько, насколько вы себя чувствуете! — Он откинулся на спинку кресла. — Что? Что-то не так?

---

³ FDA (англ. Food & Drug Administration) – Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов, агентство Министерства здравоохранения и социальных служб США, один из федеральных исполнительных департаментов.

– Если бы я первая увидела вас утром, вы бы никогда не вышли из дома в этой одежде. Это как... Костюм клоуна! Я сомневаюсь, что Норин видела вас перед выходом.

– Вы знаете, что она не встает в 5 утра. А теперь расскажите мне о *Гениом*.

– Скажите мне в первую очередь о реальной причине вашего нового образа!

Лицо Бака стало серьезным, и он прорычал:

– Мы находимся в период кризиса, и внешний вид имеет решающее значение, вопрос доверия. Сейчас важно выглядеть уверенно и бодро. — Он сделал вид, что вздохнул, прежде чем продолжил: — Но если вы действительно хотите знать, то я консультировался, конечно, тайно на прошлой неделе у стилиста, когда был в Лондоне. Он предоставил мне личного консультанта, чтобы я купил модные вещи. Это был англичанин, вполне осведомленный в таких делах. Важно выделиться из толпы и не быть копией всех клонированных руководителей на Манхэттене.

Она попыталась скрыть улыбку и произнесла:

– Тогда вы, безусловно, преуспели.

– Как насчет того, чтобы вернуться к делу?

– У меня не так много есть, что сказать. Вы отклонили это предложение с утверждением, что у него нет будущего, так как есть этические и моральные проблемы.

Бак кивнул.

– О да, теперь я вспоминаю. — Он сделал паузу и посмотрел в сторону окна.

Бак был известен своими длительными паузами в беседах, но в этот раз это длилось дольше, чем обычно. В конце концов, *Старый бульдозер* спросил:

– Где располагается эта компания, которая сделала предложение?

– Предложение было направлено через юридическую фирму здесь, в Нью-Йорке. Я помню, что не было никаких требований о конфиденциальности, что и озадачило вас.

– Я уверен, что вы предложили им подписать заявление о том, что мы могли бы заниматься разработкой чего-то подобного и что они не подадут на нас в суд за плагиат, не так ли?

– Мы так и не дошли до этого момента, потому что дело было закрыто сразу после того, как вы прочитали предложение. Почему вы так заинтересовались этим давним предложением именно сейчас?

– Кто сказал, что меня это сильно заинтересовало? — Он посмотрел ей прямо в глаза. — Сколько времени прошло?

– По крайней мере, восемь или девять месяцев, и вы с тех пор отклонили много предложений.

– Это было до того, как финансовый кризис серьезно ударил по нам. Сейчас ситуация иная. Вы проверяли стоимость ваших акций *ГлобалХим* в последнее время?

Тонкие морщины на ее лбу стали заметнее.

– Конечно, я должна была продать свои акции, когда их стоимость была высокой и последовать вашему совету о переезде на юг. Может быть, вы нашли «*философский камень*» или уникальный вариант спасения?

– Может быть...

Она повернула голову:

– Дверь закрыта. Почему так таинственно?

– Общее собрание совсем скоро.

Она кивнула:

– Конечно, я знаю. 22 числа следующего месяца, официальные приглашения готовятся, и вы скоро получите данные годового отчета.

Бак поправил галстук.

– Нет необходимости в годовом отчете. — Он сделал глубокий вдох. — Есть ли какие-нибудь новости из исследовательского отдела в отношении проекта борьбы с раком?

— Последние отчеты свидетельствуют о прогрессе относительно этого проекта. Вы уже знаете, что белковые препараты регенерируют генетические дефекты, которые вызывают рак. Кроме этого, нет ничего, что вы бы ни знали, все по плану, нужно одобрение *FDA*, на это уйдет семь или восемь лет.

Он кусал губы, качая головой.

— Спасибо за урок, Бетти. Разве не удивительно, что мы собираемся раскрыть загадку рака и не можем объявить об этом на Общем собрании? — Он наклонился вперед и понизил голос: — Между нами говоря, у нас когда-нибудь была ситуация хуже?

— Было плохо в начале 90-х, но не так плохо, как сейчас. Возможно, у вас есть новая информация?

Он кивнул.

— Я дам вам информацию позже, когда просмотрю официальный отчет и счета. Я не могу сказать на собрании, что у нас скоро будет великолепный новый продукт, так как «*поездка на американских горках*» продолжается, и это несмотря на то, что реальная стоимость компании значительно превышает текущие цены на акции даже в несколько раз. — Он тяжело вздохнул, прежде чем добавить: — Мы должны быть счастливы, что продолжаем оставаться частью промышленности, которая постоянно расширяется, и потребность в продуктах, которые мы производим, увеличивается. Люди до сих пор болеют, я с сожалением должен это признать.

— Это, вероятно, не единственная ваша забота.

— Что вы имеете в виду?

— Ходят слухи... Вы знаете, что в коридорах сплетни?

— Как вы знаете, сплетни редко доходят до меня. Что происходит?

— Поговаривают, заместитель председателя сговорился с рядом важных акционеров. Если ему удастся собрать большинство голосов, некоторые из подразделений могут быть проданы в целях обеспечения увеличения временного запаса. Вы ведь знаете инвестиционную компанию, которую он возглавляет, не так ли? Она нуждается в денежных средствах.

Бак Фрейзер кивнул.

— Кто-то прошептал мне на ухо, но я не думаю, что это так. — Он покачал головой. — Шарлатанство! Это примитивный маневр выживания для акул Уолл-стрит, но я не позволю.

— Возможно, придется или большинство будет принимать решение за вас.

На этот раз продолжительная пауза позволила ему обдумать то, что его секретарь только что подтвердила.

Наконец он ответил:

— Все больше оснований, чтобы достать старое дело о *Гениом* и рассмотреть его с непредвзятостью.

На ее лице отразилось недоверие:

— Я, кажется, помню, что контрактные переговоры, о которых мы говорим, как правило, могут занять несколько месяцев и нужно привлечь армию юристов. Вы не сможете заключить контракт до проведения Общего собрания, так что толку это делать?

— Проще говоря, я постараюсь убедить тысячи акционеров, чтобы инвестиции пенсионного фонда не были потрачены впустую на кучу перебежчиков и наше собственное выживание, конечно.

— Если бы я не знала вас лучше, чем вы сами знаете себя, Бак, я бы сказала, что вы на этот раз растеряли все свои навыки. Что у вас в рукаве?

— Если условия в контракте с *Гениом* приемлемы, то, возможно, это своего рода новый подход, который нам нужен прямо сейчас, а затем и новый стиль.

— Таким образом, вы не собираетесь сказать мне...

— Позвольте мне взглянуть на контракт для начала.

Она встала, глядя на председателя, потом покачала головой:

– Если вы думаете, что фиолетовая рубашка будет убедительна для акционеров, я боюсь, что вы будете сильно разочарованы.

Он ослабил узел зеленого галстука.

– Да будет вам! Просто найдите документы.

4

Бак Фрейзер изучил контракт от *Гениом* и улыбнулся. Передовые фармацевтические открытия с потенциальными доходами в миллиарды были далеким будущим, и он знал по опыту, что много времени уйдет на оформление патента, который является результатом многолетних исследований и разработок в дополнение к крупным инвестициям.

Хотя на *ГлобалХим* работали лучшие ученые мира, новые фармацевтические открытия были похожи на азартные игры в рулетку. Вы никогда не будете знать, какие мировые организации здравоохранения приняли бы новый продукт, не говоря о том, чтобы утвердили его. Инвестиции *были* сделаны, и готовый продукт был представлен на рассмотрение, которое иногда может длиться несколько лет и пройти через мясорубку со стороны органов здравоохранения. Такого рода неопределенность требовала не только сильной финансовой поддержки, но и стальные нервы. Последнее он все еще имел, первое остановил финансовый кризис.

Как и всегда, когда ситуации нужна правильная перспектива, он подошел к окну. Это была его привычка: он смотрел вниз на жизнь на улицах, которые, как он мог видеть, были переполнены людьми, каждый из которых в какой-то момент своей жизни будет сталкиваться с одним или несколькими продуктами *ГлобалХим*.

Теперь, когда Китай вступил на мировую арену с растущим населением среднего класса для понятия бесконечных возможностей рынка, было принято новое значение. Если предложения и гарантии от *Гениом* могли бы быть приняты всерьез, то это может быть ключом к неограниченному доходу до тех пор, пока он жив или, если быть точнее, — навсегда.

Именно пункт в отношении увековечения доходов заставлял его чувствовать себя неловко. Тем не менее, в контракте, составленном педантичным адвокатом, было четко указано о пожизненных доходах.

Бак покачал головой, вернулся к столу и, протягивая руку к контракту с золотой тисненой обложкой, загадочно улыбнулся. Что может означать разница между выживанием и обреченностью, если что-то звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой...

Он изучил обложку контракта. Надпись «*Конфиденциально*» была заменена голографическим значком размером с тачпад на ноутбуке и располагалось между стилизованной спиралью *ДНК* и словами «*Конфиденциальная информация*». Под металлическим значком расположился невидимый глазу микрочип толщиной с лист бумаги.

Бак Фрейзер восхищался меняющийся трехмерной спиралью *ДНК*. Бумага больше не была только бумагой, это было изобретательно и чрезвычайно безопасно. Необходимые тридцать восемь миллионов долларов авансом для гарантии, своего рода первоначальный взнос, не были непомерно высокими в медицинской сфере, даже в период кризиса, и объявленная годовая прибыль в размере семи процентов от чистого объема продаж — все так, как должно быть. Все имело цену, и он был одним из немногих людей, которые знали ценность неприкосновенных патентов.

Уникальность заключалось в том, что это предложение не сосредоточено только на фармацевтике, в него также были включены эксклюзивные права на конкретные производственные процессы. Будущие владельцы патентов, после того как подписали бы этот контракт, доминировали бы на мировом рынке в отношении генетически модифицированной медицины.

Он потер подбородок и прищурился. Несмотря на то, что консорциум за предложением провел все подготовительные работы, он не мог разгласить неортодоксальный план спасения, который складывался в его голове. Это был бы смелый шаг: ставки станут выше, чем обычно, и

когда он будет не в состоянии обеспечить удовлетворительное обоснование, станут появляться слухи, которые быстро доберутся до членов Совета и до акционеров. Эффект неожиданности, если он преуспее в реализации запутанной стратегии, будет потерян, а вместе с ним будущее ГлобалХим. Сейчас более чем когда-либо было важно держать язык за зубами.

Бак перелистал страницы контракта. Не только вопрос патентов смущал его, но и гарантированность потенциального рынка, и это был еще один вопрос, который делал *Старого бульдозера* подозрительным. Как гарантировать рынок? Как гарантировать несколько рынков? Ну как вообще гарантировать несколько рынков в нескольких странах для нескольких продуктов в далеком будущем? Это было что-то, что он за многие годы работы, как руководитель одной из крупнейших в мире фармацевтических компаний, еще не понял.

Тем не менее, адвокаты были краткими, условия были конкретными, и Бак снова прочитал: *«Интересы консорциума лежат исключительно в развитии патентов, а также в подготовке рынков для продуктов, основанных на таких патентах. Будущим владельцам гарантируется максимальный оборот»*. И дальше он читал: *«Числовые примеры колеблются и требуют предварительного знания мирового потребления лекарственных средств, а также существующих размеров рынка для генетически модифицированных культур и использования их в фармацевтических целях»*.

Рассматриваемый с этой точки зрения авансовый платеж был довольно скромным, и он подозревал, что это покроет расходы только на начальных этапах исследований и разработок. Реальный доход для консорциума за контракт станет продолжающейся прибылью в диапазоне семизначных цифр, получаемых ежегодно навечно.

Он попросил не беспокоить его на оставшуюся часть дня, и Бетти Вэйн Райт знала, что это приказание *Старого бульдозера* было священным. Так она защищала его от визитов, когда он лежал больной в Японии после отравления рыбой несколько лет назад и новая команда менеджеров готовила большой проект по его замене.

Однако он обманул смерть, уволил половину вице-президентов, вернулся в зал заседаний и поблагодарил Бетти за лояльность, щедро повысил ей заработную плату и дал свободу в работе, а она в то время думала, что никогда больше не будет нужна. Она приходила и уходила, как ей заблагорассудится, конечно, в значительной степени это соответствовало рабочему времени *Старого бульдозера* — от 55 до 60 часов в неделю.

Несмотря на то, что они были давно знакомы, тон общения был краток и деловит.

Она постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, открыла ее:

— Если для меня нет больше дел, могу я уйти?

Он пригласил ее зайти.

— Сядьте! У вас есть две минуты, не так ли?

Она взглянула на часы:

— Не больше, чем две.

— Это не займет много времени. — Он бросил контракт на стол и прорычал: — Страница 11, раздел 22, пункт «б». Прочтите!

— Вы хотите, чтобы я прочла вслух?

Он кивнул.

— *«Консорциум гарантирует доминирование на рынке в течение всего срока действия патента, что на практике означает вечно (со ссылкой на статью 32, пункт «е»), если специально не указано, что...»*.

Старый бульдозер прогремел:

— Стоп, стоп... Остановитесь Бетти! Сколько контрактов мы подписали за эти годы?

— Точное число?

Он посмотрел на нее гневно:

– Если вы будете продолжать отвечать вопросами на вопросы, возможно, нам придется поменяться креслами.

Она не обратила внимания на его гнев и спокойно сказала:

– Я не помню точную цифру, от 100 до 150 контрактов в год. Мы работаем вместе в течение почти сорока лет. Так я думаю около пяти тысяч.

– Да? И что вы скажете?

– Про что?

Он посмотрел в потолок, прежде чем ударить кулаком по столу так, что телефон подпрыгнул на несколько дюймов.

– Есть моменты, когда я не понимаю, почему я вожусь с вами!

Она покачала головой, теперь улыбаясь:

– Это, должно быть, цвет вашей новой рубашки так смущает меня. Вы не возражаете добраться до сути дела? Так я смогу, по крайней мере, присутствовать на втором акте оперы в *Линкольн-центре*!

Он посмотрел на свои золотые часы.

– Я думаю, что первый акт будет перед вторым, — с сарказмом произнес он. — Сейчас только половина восьмого. Преувеличение улучшает понимание, и я получил ваше внимание, не так ли? Мой водитель Альфред может отвезти вас, тогда вы успеете. Заметили ли вы слово «навечно»?

– Конечно. И что?

– Боже, помоги мне, теперь вы снова задаете вопросы! — Он тяжело дышал. — Ничего, но позвольте мне объяснить вам. Существуют ли какие-либо из тысяч контрактов, упомянутые вами ранее, которые не включают в себя ограничения по срокам?

– Есть всегда ограничения по срокам и ничто не является бессрочным.

– Тогда проверьте раздел в «*Определениях*» в предложении по заключению контракта.

Она нашла страницу и изучила текст.

– Точная формулировка — «*бессрочно*». Но как? — Она закусила губу. — Как они гарантируют постоянно растущие доходы «навечно»?

Он торжествующе посмотрел на нее.

– Так что? Наконец, осенило вас? Это именно то, что меня смущает! Там должен быть подвох!

– Возможно, вы почуяли, в чем подвох? У вас нервный тик, когда я задаю вопросы. В противном случае, я бы спросила, как обеспечить растущие рынки? Как у всех рынков гарантируются растущие доходы, как прописано в контракте?

Теперь Бак широко улыбался, его голос вернулся к приятным ноткам, и он произнес, напевая:

– Спасибо, Бетти, на этом все. Теперь отправляйтесь на ваш концерт, продолжим завтра. — (Она покачала головой и передала ему контракт.) — Я попрошу Альфреда быть готовым с лимузином через 15 минут, и тогда у вас будет время узнать, где Харри Макфалейн находится в это время года. Попросите его позвонить мне.

– Харри? Детектива из Сан-Франциско?

– А кого еще? На самом деле, он из округа Марин к северу от *Золотых ворот*⁴... Это имеет большое значение для тех, кто там живет.

– Вы не были в контакте с ним долгое время. Вы знаете, что его жена владеет престижными виноградниками? Я так понимаю, ваш интерес к нему вызван появлением нового задания для него? Нет, нет, не отвечайте...

---

⁴ Мост Золотые ворота (англ. the Golden Gate Bridge) – подвесной мост через пролив Золотые ворота, соединяет город Сан-Франциско и южную часть округа Марин рядом с пригородом Саусалито.

Она вышла из кабинета, и через несколько минут раздался телефонный звонок. Почти одновременно Бетти появилась в дверях:

– Я уже ухожу. Удачи с Харри! Он на винном фестивале в Германии вместе с Эммой Разафорд.

Бак взял трубку и кивнул головой, чтобы она уходила.

5

Харри Макфалейн сразу узнал скрипучий голос и ответил:

– Ты понимаешь, который сейчас час? Я нахожусь в Бахахах!

Бак хмыкнул:

– Я даже не знаю, где находится Бахахах, но я думаю, что это почти шестичасовая разница с Нью-Йорком. Извини за неудобный час, Харри.

Харри посмотрел на Эмму, которая натянула одеяло на голову, когда зазвонил телефон.

– Я уверен, что ты звонишь не для того, чтобы спросить о моей личной жизни. Что случилось?

– Я хочу, чтобы ты провел расследование, не привлекая внимания. Речь идет о лицензионном контракте. Может быть, мое воображение обманывает меня, но это не так, как обычно бывает. Контракт, о котором я говорю, вполне может стать спасительным для *ГлобалХим*, и моя компания в нем сейчас нуждается.

Харри позволил генеральному директору выдержать длинную паузу, как тот обычно делает.

– Я должен быть уверен, что все нормально, прежде чем я подпишу этот контракт. Ты знаешь, у меня есть специальный счет для таких вещей, и ты будешь хорошо вознагражден.

Харри проводил несколько расследований для Бака Фрейзера на протяжении многих лет и знал, что генеральный директор не привлекает внешних игроков, если в этом нет никакой необходимости.

Он заметил, что Эмма заснула, прядь ее рыжих волос была видна из-под одеяла, и Харри спросил приглушенным голосом:

– Это же прямая линия?

– Да, я подожду.

Харри надел халат, взял минеральную воду из холодильника и вышел в другую комнату, проверив, чтобы дверь в спальню была плотно закрыта. Через минуту он вернулся на линию.

Голос Бака был более подавленным на этот раз:

– Спасибо за возвращение к разговору, Харри. Ты уже знаешь, сколько мы вкладываем в исследования и разработки. Мы говорим о миллиардах, и это никогда не закончится. Речь идет о патентах, патенты всюду, иногда мы также получаем предложения от других ученых и университетских исследователей. Мы редко соглашаемся на них в связи с риском плагиата. Нам могут быть предъявлены судебные иски со стороны тех, кто уже представил такие предложения. Конфиденциальность и подписание предварительных условий являются чрезвычайно важными.

Харри подавил зевок:

– Ты не возражаешь добраться до сути дела?

– Несколько месяцев назад мы получили предложение подписать контракт. С юридической точки зрения не было никаких проблем. Все это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, однако в то время мы были заняты другими проектами, и предложение было отклонено.

– Так что произошло за это время?

– Ты, конечно, знаешь о финансовом кризисе, даже если ты находишься в Германии?

– Отбрось сарказм, Бак, сейчас уже за полночь! Пожалуйста, ближе к делу!

– Короче говоря и предельно ясно выражаясь, мы говорим о генетически сконструированных лекарствах. На самом деле, это семейство генетически модифицированных продуктов, все пути к концепции репродуктивных предпочтений. Это хорошо известный факт, что...

– Ты сказал «*репродуктивные предпочтения*»?

– Это воспроизводство особо благоприятных генов.

– Мы говорим о растениях или животных?

– И о людях тоже!

Харри помолчал, прежде чем произнести:

– Ты говоришь, человечество может намеренно воспроизвести специфические черты в своем потомстве?

– Это давно было сделано в случае с растениями, а также в производстве кормов для домашних животных. В принципе, есть два пути: либо сознательный выбор через несколько поколений или с помощью генетических манипуляций, или *модификаций*, чтобы использовать политически корректный термин.

Бак Фрейзер замолчал и через время продолжил тяжело дыша:

– Предложение было интересным, но требовало значительных расходов, и, как я уже говорил, мы были заняты другими проектами. В то же время цены на акции упали, и теперь вопрос в том, будет ли *ГлобалХим* продолжать существовать. Общее собрание уже в следующем месяце.

– Ты не преувеличиваешь?

– На самом деле, все обстоит даже хуже, чем я говорю. Нам нужно использовать все возможности, и именно поэтому я пересматриваю предложение контракта от *Гениом*.

– Что можешь сказать о деталях?

– Патенты – это одно, стратегический эффект неожиданности, когда договор подписан, — совсем другое. Почему — ты поймешь позже!

– Я не уверен, что я тебя правильно понимаю. Ты сказал, что все предложения уже запатентованы?

– Несколько научных открытий, частичные патенты были защищены в глобальном масштабе. Это нормальная практика, чтобы запретить другим пользователям разрабатывать подобные концепции и защитить инвестиции в исследования. Мы говорим о больших деньгах, так что это имеет смысл. Вот пример, так ты получишь ясную картину. Представь себе лестницу. В тот момент, когда первые три ступени были созданы, ты подаешь заявку на патент. Если кто-то хочет разработать аналогичную лестницу и имеет решение для проектирования дополнительных пяти ступеней, он вынужден остановить свой проект, потому что основной проект уже запатентован, — это называется *стратегическим патентованием*. Он может, конечно, оплачивать лицензионные платежи за использование проекта, это грубое сравнение, но я уверен, что ты понимаешь принцип.

– Таким образом, основная часть исследований уже запатентована и блокирует другие исследования, развивающиеся в том же направлении?

– Правильно, хотя, в принципе, мы могли бы развиваться вокруг него.

– Но тогда это был странный пример про лестницу.

– На практике это было бы бесполезно и не будет иметь рыночную стоимость. Это то, чем держатели патента заняты и что обеспечивает им хлеб с маслом.

– Что такого особенного в этом конкретном контракте?

– Если это предложение реальное, то *ГлобалХим* имеет возможность стать одним из крупнейших в мире поставщиков основных лекарственных средств, и если мы будем «играть» нашими картами разумно, у нас появится возможность стать ведущим поставщиком генетически модифицированных лекарственных средств. Заглядывая в будущее, мы также можем контролировать рынок для репродуктивного выбора. Другими словами, доминирование на рынке

в пределах генетически модифицированных сегментов лекарственных средств в мире, который в какой-то момент станет самым крупным сегментом из всех.

Харри потер подбородок.

– Все будет сконцентрировано в рамках одной компании... *ГлобалХим*. Но я думал, вы были сосредоточены исключительно на медицине.

– Будь то животные, люди или растения, генетические исследования пересекают обычные границы, все взаимосвязано, когда мы работаем на генетическом уровне. Но ты прав, было бы хорошо расширить наш бизнес, о котором наши акционеры, конечно, не пожалеют. И поэтому сейчас я хочу подписать этот контракт.

– Я предполагаю, что ты звонишь, потому что есть подводные камни?

– Если я одобряю концепцию, я должен быть уверен в данном контракте. Есть слова и фразы, которые довольно необычны, в том числе конкретные рыночные гарантии. Вот, послушай это: *бессрочный срок контракта — навечно!*

– Возможно, ты, неверно истолковал мелкий шрифт, Бак? Ничто не длится вечно, это факт. Как насчет отправки мне электронной копии контракта?

– К сожалению, Харри, обложка содержит микрочип, содержимое никто не должен видеть, и мы не имеем права удалить его. Могут быть судебные процессы, так как мы обязаны сохранять конфиденциальность предложения.

– Но ты говоришь, что этот проект уже запатентован.

– Защита рынка столь же важна, как и патенты. Я хочу, чтобы ты все узнал о людях, которые стоят за этим предложением, расследовал все и рассказал мне, имеем ли мы дело с порядочными людьми. И, самое главное, узнай все, что сможешь об этических принципах, лежащих в основе их исследований. В сложившейся ситуации крайне важно обладать всей информацией, и ты знаешь, что я приверженец этики.

– Ты говоришь мне, что не знаешь, с кем имеешь дело. Ты действительно *не знаешь*?

Голос Бака Фрейзера поник:

– Предложение было передано через юридическую фирму. Ты прав, на самом деле, мы не знаем, с кем имеем дело.

– Когда ты хочешь, чтобы я начал?

– Я плачу тебе за то, чтобы узнать все быстрее.

– Ты прервал мой сон, и я еще не согласился на эту работу.

– Нет, но я уверен, что ты согласишься, когда узнаешь больше деталей.

Харри посмотрел на часы на стене.

– Скоро рассвет. Что-нибудь еще?

– Насколько важно, чтобы ты присутствовал на фестивале вин?

– Это важно для Эммы, а значит и для меня.

– Она, вероятно, может обойтись без тебя в течение одного дня?

– Я не полечу в Нью-Йорк, если ты намекаешь на это. Последний раз, когда ты нуждался в моей помощи, закончился неделей пребывания в Шотландии.

– Естественно, я приеду к тебе. Какой ближайший город с взлетно-посадочной полосой для частных самолетов?

– Откуда мне знать? Но я знаю, что Бонн, Дюссельдорф и Франкфурт находятся в нескольких часах езды на автомобиле.

– Тогда увидимся завтра, Харри. Пришли мне на почту письмо и напиши, где ты остановился. Ты знаешь, какого рода информация нужна Бетти для того, чтобы отправить меня в нужном направлении. Электронные письма все равно попадают на ее компьютер.

Харри вздохнул:

– Мы вернемся в США через неделю, а затем мы...

Бак оборвал его:

– Если бы финансовый кризис мог быть решен в течение нескольких дней, твоя помощь мне была бы не нужна, Харри. Поцелуй Эмму от меня.

Бак Фрейзер остался сидеть за своим столом, в то время как разработанный план крутился в его голове. Он нажал кнопку быстрого вызова на телефоне, и его водитель был на линии мгновение спустя.

– Альфред, выясни, в какое время заканчивается опера в *Линкольн-центре*, а затем отправь Бетти сообщение, заведи ее и привези на мою квартиру в Центральном парке. Я буду ждать ее там.

– Я могу вначале отвезти вас домой и вернуться к *Линкольн-центру*, прежде чем опера закончится.

– Спасибо, Альфред, но я еще не готов. Я прогуляюсь несколько кварталов.

– Тогда позвольте мне следовать за вами на расстоянии.

– Я знаю, что ты имеешь в виду, но я никогда не любил преувеличенное внимание к безопасности. Нью-Йорк — просто большая деревня. Скажи Бетти, что она может остаться на ночь, я уверен, что Норин будет рада видеть ее.

***

Через несколько часов канопе с сухим белым вином из штата Нью-Йорк были организованы в закрытой части городской квартиры Бака, в нескольких сотнях ярдов от отеля *Плаза*.

Норин, жена Бака Фрейзера, была знакома с Бетти Вэйн Райт с тех пор, как та начала работать у ее мужа, и знала, что секретарь важен в офисе точно так же, как она дома. Старая поговорка, что «*За каждым успешным мужчиной стоит мудрая женщина*», была не совсем уместна в данном случае, потому что в этом случае было две женщины. Она села рядом с Бетти на диван у камина и собиралась обменяться последними сплетнями Нью-Йорка, когда Бак вмешался:

– Вы можете продолжить в ближайшее время без меня. Корпоративный самолет «*Гольфстрим*» будет готов через несколько часов, время полета через Атлантический океан чуть менее семи часов, я буду спать на борту и прибуду во Франкфурт в 2 часа дня по местному времени, это 8 утра в Нью-Йорке. Я хочу, чтобы вы, Бетти, организовали вертолет, который может доставить меня поближе к месту, где находятся Харри и Эмма. Кроме того, проверьте, чтобы был автомобиль, который отвезет меня до отеля, если это будет необходимо. Забронируйте номер в отеле, в котором они находятся, одной ночи должно быть достаточно. Корпоративный самолет останется во Франкфурте, я вернусь на следующее утро. Пожалуйста, перепланируйте все мои встречи или переведите их на соответствующих специалистов. — Он послал ей хитрую улыбку. — Вы всегда прекрасно могли прикрыть меня.

Бетти сделала заметки, а затем посмотрела на него:

– Со всеми сплетнями в коридорах вы думаете разумно уехать прямо сейчас? Вы принесете пользу компании больше, если останетесь дома.

Он положил пару березовых бревен на угли в камине и ответил:

– Опыт научил меня, если я не следую моим догадкам или *интуиции*, если использовать современное слово, я обычно потом сожалею об этом. Если Харри сможет найти нужную информацию для меня, этот контракт от *Гениом* вполне может оказаться нашим самым важным соглашением. И не только потому, что он сам по себе является особенно ценным, на самом деле, это будет стоить нам значительную сумму в миллионах долларов, а скорее потому, что это может быть инструментом, который необходим, чтобы обеспечить цены на акции, в случае, если мой план удастся.

Норин посмотрела Баку в глаза:

— Может, лучше, чтобы Харри приехал к тебе?

— Мы имеем дело с секретной информацией, так что чем дальше он и я, пока я не знаю, с кем и с чем мы имеем дело, тем лучше. Это может нанести вред репутации компании. Харри является экспертом; он работает в одиночку, и нет необходимости в подписании договора между нами. Никто не должен знать о моих планах. И это все, что вам нужно сейчас знать.

Норин покачала головой.

— Разве что Харри стал немного стар для такого рода вещей. Ему, вероятно, столько же лет, сколько и тебе...

— Если ты думаешь, что я слишком стар, чтобы возглавлять одну из крупнейших в мире фармацевтических компаний, то Харри, вероятно, слишком стар для того, что он делает.

Норин повернулась к Бетти, улыбаясь:

— Я не знаю, кто вселился в него в последние дни.... Это твоя идея со стилистом? Красочные рубашки и своеобразные галстуки...

Бетти от души рассмеялась:

— На самом деле я думала, что это была твоя идея...

Норин покачала головой и посмотрела на Бака.

— Если финансовый кризис заставляет тебя идти на импульсивные поступки в бизнесе, как ты делаешь со своим странным выбором в одежде, то ты должен найти лучшего консультанта. Я надеюсь, что ты знаешь, что делаешь. И я была бы не против, если бы ты несколько притормозил. Также как Харри, который сейчас проводит больше времени с Эммой.

— Ты думаешь, что я должен участвовать в твоих благотворительных мероприятиях?

— Он покачал головой и добавил: — Нет, пожалуйста, не отвечай. Я правильно полагаю, что моя дорожная сумка готова?

6

Нерребро, Копенгаген

Черный *Audi* мчался по немецкому автобану на высокой скорости, пассажир на заднем сиденье изучал научную работу.

Поскольку научные исследования росли в геометрической прогрессии, результаты появлялись все быстрее. Успехи были очевидны на всех фронтах, и, хотя большей частью исследования были новаторскими, полученные результаты показали неожиданную проблему, по крайней мере, в теории. Речь шла об этике: клиенты и политики больше не были равнодушны к тому, какие были получены результаты.

Пассажир положил бумаги на сиденье и посмотрел в окно на лесистые холмы. Мир может быть очень красивым, но также может быть весьма мрачным. Вопрос оказания помощи в рождении здоровых детей не вызывал сомнений. Но вопрос лечения зародышей с генетическими или хромосомными дефектами вместо рекомендации абортов был окутан подозрениями и определенными осуждениями, в особенности, когда речь шла о создании детей с *уникальными способностями*. Тем не менее, это было возможно.

Рождение здоровых детей является одним из желаний человека, и воспитание детей с особыми способностями тоже может стать желанием. Для воплощения этой идеи требовались неукротимая вера и сильное чутье, и, как говорится в старой поговорке, — «*Цель оправдывает средства*».

Идея использования *ДНК* мертвых гениев первоначально наделала много шума, а мертвые были мертвы, и никто не пострадал. Однако, по общему мнению, желание иметь ребенка с особыми способностями было лишь привилегией богатых.

Пассажир вспомнил катастрофическую ночь и рождение в роковую воду, безликий эмбрион... Он все еще был в здравом уме, чтобы помочь миру, и все его сомнения исчезли.

Он постукал по плечу водителя:

– Как далеко еще?

– Скоро мы будем проезжать по югу Дании, пересечем мост *Большой Бельт*⁵. Так, я думаю, еще часа три или четыре.

Доктор задумался и, наконец, произнес:

– Я рад, что ты присоединился ко мне, Хорст. У тебя когда-нибудь были сомнения по поводу работы, которую мы проводим в наших исследовательских клиниках?

– Что тут сомневаться? Мы сохраняем жизни вместо того, чтобы раздавать смертные приговоры. Единственное, что меня смущает, мы могли бы обойтись без... — Он замолчал, а потом добавил: — Нет, забудьте об этом.

– Ты знаешь, что можешь сказать мне, что у тебя на уме.

– Финансирование... Оно меня беспокоит.

– Тогда, возможно, у тебя есть другое решение?

– Я не против использования результатов и денег из одной отрасли наших исследований для развития другой. Но я никогда не привыкну к серьезным ограблениям, которые у нас происходят.

Вздых на заднем сиденье был слышен впереди.

– К счастью, в этом нет необходимости каждый раз, только в самых эксцентричных случаях, и будущие родители платят хорошо. Это все в твоей голове. Кто страдает?

– Вы правы, конечно. Но это отвратительное безобразие.

Голос ученого казался суровым:

– Хорст, ты против убийства плода или рождения уродца?

– Это не совсем то, в чем серьезные грабежи могут помочь.

– Это средство, чтобы помочь будущим матерям с серьезными дефектами плода. Рождение у них здоровых детей зависит от наших бесплатных клиник, Хорст. Никогда не забывай об этом!

Водитель ничего не ответил, врач откинулся назад на сиденье и начал изучать доклад. Надо было принять решение о том, кого выбрать, — Ганса Христиана Андерсена⁶ или Серена Кьеркегора⁷. Выбор сделать было нелегко, у каждого из них было множество преимуществ, но также и недостатков.

Так, Ганс Христиан Андерсен был не только странным ребенком, долговым и неуклюжим в юности, но и эмоциональная составляющая беспокоила его на протяжении всей жизни.

Если бы он когда-нибудь узнал, кто он был на самом деле... Он не был особенно хорош собой, хотя в более поздних изображениях — статуя на бульваре в Копенгагене — имел более представительную внешность. Большинство людей считали всемирно известного поэта своего рода чудачком, с ранимым и обидчивым характером, несмотря на то, что его сказки увековечили его имя. Его рассказы отражали глубокое понимание человеческой природы, которое вытекает из его собственных страданий, обид и переживаний, что привело его к еще более глубокому уровню мудрости и пониманию.

Именно последнее и сделало его очевидным кандидатом. Ибо кто не хотел бы обладать этой уникальной способностью видеть сквозь воспринимаемую реальность и достигать в самые основы жизни? Если бы только он был более привлекательным, более нормальным...

Его сказки, такие как «*Новый наряд короля*» и «*Соловей*», были примерами способности поэта не только увидеть жизнь и людей, какими они были, но также, что люди не видят в себе. Для того чтобы обладать такого рода пониманием, надо было быть по-настоящему одаренным,

---

⁵ Мост Большой Бельт (дат. Storebæltsforbindelsen) — висячий мост в Дании, соединяющий острова Фюн и Зеландию, третий в мире по длине пролета.

⁶ Ганс Христиан Андерсен — датский прозаик и поэт, автор всемирно известных сказок для детей и взрослых.

⁷ Серен Кьеркегор — религиозный датский философ, психолог и писатель, основоположник экзистенциализма.

и это было привилегией немногих. Тем не менее, несколько факторов должны были подходить, и именно то, что он был не особенно хорош собой, эмоционально нестабилен и вместе с тем довольно скучен и жалок, стали решающими.

Принять правильное решение было нелегко, но факторов в пользу выбора Серена Кьеркегора, конечно, было больше.

Его незрелая меланхолия играла не в его пользу, что было очевидно из его отношений с Региной⁸, — несостоявшийся любовный роман, который просто остался мечтой.

Несмотря на это, жизнь продолжалась, и Кьеркегор доказывал величие своих мыслей. Его мировоззрение и философские мысли, помещающие его в класс с величайшими философами веков, уже давно были признаны среди мыслителей мира.

К тому же Кьеркегор фактически упоминается как основатель христианского экзистенциализма. Он был на самом деле умен.

Однако карикатуры на него были проблемой, потому что именно эти образы вставляли перед глазами, когда речь заходила о нем: выдающийся острый нос и большая голова «*директора школы*» с цилиндром и телом горбуна. В то же время другие рисунки и портреты, и особенно статуя в Королевской библиотеке Копенгагена, показывали красивого молодого человека с кудрявыми волосами, приятным лицом и гармоничным телом.

У него, конечно, были недостатки, но у кого их не было? Он не был уродлив и никогда, конечно, не был жалок.

Доктор вытянул ноги на заднем сиденье, обобщая все личные черты и качества характеров двух кандидатов, и у него уже не было никаких сомнений. Новый Кьеркегор в XXI веке, несомненно, повлияет на мировую повестку дня, и не только философски, но, возможно, и политически, и религиозно. В мире, где противостояли христианские и мусульманские конфессии, мозг, как был у Кьеркегора, действительно представляет собой важность. Однако он умер молодым, ему было всего 33 года, он даже предсказал свою раннюю смерть. Но средняя продолжительность жизни несколько сотен лет назад была вдвое короче, чем сегодня. К тому же, это был неточный факт, что он прожил всего 33 года. Это должен быть Кьеркегор еще и потому, что он был доступен более чем в одном смысле этого слова. Серен действительно был бы удачным выбором.

***

Несмотря на то, что Австрия и Дания были одними из небольших европейских стран, и у них было несколько общих фундаментальных принципов, у них также были и культурные различия, однако незначительные.

Бригада из двенадцати человек, которая собралась в это воскресенье в Копенгагене, приехала чрезвычайно хорошо подготовленной к заданию. Они знали, что датские полицейские сосредоточены больше на бандитизме, подростковой преступности и незаконном обороте наркотиков, чем на банальном гражданском неповиновении и уличных беспорядках. Полицейские подразделения были крайне неукомплектованные, по сравнению с другими европейскими странами.

Решено было работать в утренние часы в воскресенье, а не так, как в Вене, на рассвете в будний день. Такое решение было принято после тщательных исследований.

Бригадой рабочих были заранее размещены знаки о дорожных работах и расставлены ограждения вдоль кирпичной стены, которая пересекается с улицей Кэпильвай и кладбищем «*Ассистент*» в Нерребро, — одним из городских округов Копенгагена, тем самым объявив о

---

⁸ Регина Шлегель (в девичестве Ольсен) — была помолвлена с Сереном Кьеркегором, впоследствии он расторг помолвку.

ремонте. Жители близлежащих домов, проходящие пешеходы и велосипедисты не обращали никакого внимания на ремонтные работы.

Было решено выполнить задание во время церковной службы, поэтому бригада рабочих прибыла в 9:30 утра.

Грузовик остановился на середине дороги, двое мужчин выпрыгнули из него и расставили ограждения на обочине. Водитель подъехал ближе к тротуару, и в течение нескольких минут экскаватор был спущен с платформы.

Задание в Копенгагене было выполнить легче, чем в Вене, потому что дорога на кладбище была широкой, и участок захоронения семьи Кьеркегора был легкодоступен. Надгробие, хотя и весило несколько сотен фунтов, было легче, чем у Бетховена.

Металлическая ограда, окружавшая место захоронения, имела вертикальные железные распорки на прямоугольной рамке и не вызывала никаких проблем для демонтажа двумя кузнецами бригады. Накануне вечером могила была огорожена для проведения работ по техническому обслуживанию, и лишь немногие посетители кладбища обходили вокруг препятствий.

Мобильный подъемный кран въехал с улицы на кладбище, поднял обелиск, а затем и надгробную плиту без проблем. Ландшафтные дизайнеры тщательно собрали газон, но на этот раз вся почва не была удалена, а только пока стали видны клубни гнилых корней и гробы.

Бригадир датской бригады изучил редкую информацию о расположении гробов в пределах семейного захоронения и инструктировал людей, которые должны были открыть их для получения образцов.

Важно было каталогизировать образцы правильно, чтобы впоследствии определить, кому они принадлежат.

Бригадир прыгнул в могилу и отметил скелетные останки желтыми пластиковыми буквами: *A, B, C, D, E* и *F*.

Через несколько минут он позвал седого, спортивного телосложения мужчину, который на расстоянии следил за земляными работами и в руках держал медицинский бокс. Они перекинулись парой фраз, затем мужчина кивнул, спустился в могилу и извлек образцы тканей. Разложил полученные материалы по пластиковым контейнерам, которые в дальнейшем станут предметом тщательного лабораторного анализа. На этикетках, приклеенных к контейнерам, указал месторасположение разложившихся останков.

Когда мужчина закончил, он закрыл бокс, сделал короткий телефонный звонок и спокойно пошел обратно к ожидающему его микроавтобусу. Через минуту тот же черный *Audi*, на котором он приехал, забрал его. Вместо того чтобы ехать в аэропорт, автомобиль продолжил свое движение через старый центр Копенгагена, переехал через мост над каналом, который соединял город с островом Амагер, и выехал на шоссе E20. Остальная часть поездки в Швецию и далее к университетскому городку Лунд заняла около 40 минут.

Тем временем бригада рабочих вернула обелиск на прежнее место, поставила ограду и расстелила газон.

В 11 часов бригадир изучил семейную могилу Кьеркегора и удовлетворенно кивнул. Отправив свою бригаду, он пошел по красивым дорожкам кладбища к могиле Андерсена не столько потому, что у него было задание там, а больше потому, что он раньше не видел его могилу и ему было любопытно.

7

Стены в большом зале, а также пол были покрыты глянцевой белой плиткой. В зале находилось четырнадцать контейнеров из нержавеющей стали, около четырех ярдов высотой и двух ярдов в диаметре, узкие лестницы вели к верхней части контейнеров цилиндрической формы. Все сияло чистотой, и для тех, кто знал этот особый запах, было очевидно, что вино делают именно здесь.

Группа, собравшаяся в конце зала брожения, смотрела на мужчину, который стоял на лестнице и заглядывал в резервуар для брожения вина, когда прокричала красочная коренастая фигура с копной седых волос, голос был грубым и громким:

– Простите, что перебиваю, но где я могу найти Харри Макфалейна?

Ответ с вершины лестницы резонировал по всему залу:

– Я здесь, наверху, Бак! Спущусь через минуту.

Бак Фрейзер подошел к группе из четырех мужчин и двух женщин, одетых в белые халаты. Он узнал Эмму Разафорд по ее рыжим волосам, подошел к ней, поздоровался и обнял.

– Я прошу прощения за мое вторжение, но дело очень важное. Как дела?

– Очень хорошо, как ты можешь видеть. Это наш первый немецко-американский проект. Тяжелая рука опустилась на плечо Бака. Харри Макфалейн улыбнулся и поздоровался.

– Добро пожаловать на наш новый винный завод, Бак! У нас нет магазина, пока мы сами по себе.

Бак выглядел озадаченным.

– Ты сказал «*наш*»? Эмма, это правда? Он работает в винном бизнесе?

– Да. Это наш совместный инвестиционный проект.

Бак почесал шею.

– Мировой рынок наводнен импортными винами, Харри, и это во время кризиса. — Он посмотрел в сторону стальных резервуаров и ударил детектива в спину. — Но если ты разгадаешь загадку про патент, ты будешь щедро вознагражден, так что сможешь вложить больше денег в этот проект. — И добавил: — Ты говорил Эмме?

Она повернулась к ним.

– Успехов! Я могу справиться с этим самостоятельно. Увидимся позже.

Mercedes Бака ждал их снаружи. Харри назвал шоферу адрес, и через полчаса машина остановилась посреди узкой главной улицы в Бахарахе, южного немецкого городка. Они вышли из машины рядом с трехэтажным домом с острыми фронтонами, черно-желтыми стенами; табличка на входе гласила, что он был построен в 1452 году. Из окон дома открывался прекрасный вид на Рейн.

Бак одобритительно кивнул.

– Я понял, что это необычный отель. Нет никаких шансов предварительного бронирования.

– Это бывшая гостиница, которая раньше принадлежала Виннице, у нас здесь собственная квартира. Гостиница открыта в выходные дни, так что сейчас есть много свободных мест. Мы легко смогли найти пару комнат для тебя и твоего водителя.

Шофер принес чемодан Бака, и Харри показал ему, где припарковать машину. Потом он проводил Бака к деревянной скамье с угловым столом из массива дуба. Бак положил тонкий портфель на стол.

– Это самое странное предложение, которое я когда-либо получал. Контракт, который не может быть скопирован. Преимущество частного бизнеса заключается в том, что вы можете не проходить через сканер в аэропорту, в противном случае чип активировал бы сигнал тревоги. — Он помахал контрактом перед Харри. — Никаких заявлений о конфиденциальности не требовалось, и это первый раз в истории *ГлобалХим*. Это также первый раз, когда мы не знаем, с кем имеем дело.

Харри уставился на светло-голубой пиджак *Старого бульдозера*, черную рубашку и желтые брюки.

– Извини, что меняю тему разговора, Бак, но ты выглядишь так ярко...

– Гениально, не правда ли?

Харри подавил желание рассмеяться.

– Конечно, никто не подумает, что ты из Европы.

– Слишком много серых мужчин в управлении, Харри. Все выглядят как клоны друг друга. Мой новый стиль — сигнал жизненной силы и энергии.

– Тогда твоя сила должна сказать тебе, что когда содержание в контракте уже запатентовано, будет легко найти владельца. Патентные номера относятся к лицу или организации, зарегистрировавшей патенты. Тебе не надо было проделывать такой длинный путь в Германию, чтобы узнать это.

Бак покачал головой.

– Предложение было представлено с помощью юридической фирмы в Нью-Йорке. Патенты принадлежат компании под названием *Гениом*, но нет никакой информации о ней или ее владельце, также нет сайтов, и корпоративные данные относятся к швейцарским адвокатам.

Харри кивнул.

– Но люди создают корпоративные имена, используя слогги. «*Гениом*» ты говоришь. Это может быть сочетание слов «*ген*», «*гениальность*» или «*геном*»... Я полагаю, что последний о сегментировании *ДНК*.

Бак кивнул.

– Одно слово, содержащее несколько значений, действительно умно. Но давай не будем теряться в догадках, данное предложение является привлекательным, хотя это довольно трудно объяснить.

Он оглянулся, осмотрел таверну и, хотя они были одни, наклонился ближе к Харри, понизил голос:

– В основном есть три производных продукта. Первым из них является производство лекарственных средств через генетически модифицированные синтезы. — Он поднял руку, тем самым давая понять, чтобы Харри не спешил задавать вопросы. — Тебе не нужно знать, что это такое прямо сейчас. Ко вторым относятся травы, семена и тому подобные, все то, что садоводы и фермеры используют для выращивания сырья, которое в свою очередь используется в несинтетических лекарственных средствах. В-третьих, это репродуктивные предпочтения, преднамеренное развитие особо благоприятных генов у людей или животных. — Бак потер подбородок. — Исследования *Гениом* являются спорными, будут ли потребители платить за генетически модифицированные продукты. Кто знает... Альтернатива травы.

Харри кивнул.

– Я до сих пор помню медицинские травяные рецепты из *Монастыря Сутра* в Шотландии.

Бак улыбнулся.

– Бесценные знания и рецепты, утерю которых мы предотвратили навсегда. Сегодня у нас есть подразделение, которое занимается только развитием трав.

– Но растительные лекарственные средства всегда ли чисты по определению?

– Конечно, из трав и растений, которые генетически не модифицированы. Я не говорю об органических.

– Я не знаю, существовали ли природные средства, основанные на генетически модифицированных растениях, которые не были бы органическими. Чему доверять больше?

– На протяжении десятилетий люди напичкивали себя синтетическими препаратами, которые можно было производить в больших количествах на химических заводах. Средняя продолжительность жизни неуклонно растет. На самом деле, она никогда не была выше в тех частях мира, которые имели доступ к таким лекарствам. Если ты хочешь чистые травяные лекарственные средства, ты должен найти одуванчики с обочины, которые никогда не были загрязнены автомобильными выхлопными газами, или поле, которое не видело даже намека на дождь серной кислоты из угольных электростанций в радиусе не менее 500 миль. Я сомневаюсь, что ты будешь в состоянии заполнить стеблями хоть одну корзину, даже если ты обы-

пещь весь земной шар. Нравится тебе это или нет, генетически модифицированные растения и травы — путь в будущее. Тоже самое относится и к различному роду зерен по всему миру.

— Ты знаешь о последствиях генетически модифицированных средств?

— Конечно, я знаю. Они помогают!

— А как насчет хронических заболеваний у людей, появляющихся после приема таких средств на протяжении десятилетий?

— Как доказать или опровергнуть это? Есть слишком много комбинаций и факторов в генах человека, его психике, образе жизни и окружающей среде. Как определить что повлияло? Это как квантовая физика: вы выбираете свою точку зрения, и тогда вы получите то, что вы собираетесь доказать. Все, что я могу сказать, — средняя продолжительность жизни выросла, и этого должно быть достаточно. — Бак посмотрел вверх. — Давай проведем философский разговор в другой раз.

Он подтолкнул контракт к Харри. Несколько страниц с заметками выпали из него.

Бак продолжал:

— Я хочу знать, кто стоит за этим контрактом, с кем мы имеем дело. Имена, адреса, образование, все. Были ли они в противоречие с законом? Является ли это только *«билетом для парковки»*? Существует факт, что талантливые мозги, особенно исследовательские и ученые, очень хорошее оправдание сомнительной этике, если они находятся на пути к прорыву. В научном сообществе результат всегда оправдывает средства, и если бы не было строгих процедур утверждения между органами здравоохранения в так называемых цивилизованных странах мира, то ученые Гитлера выглядели бы как ангелы по сравнению с тем, что мы используем сегодня. — Он возбужденно махнул рукой. — Я должен знать, как *Гениом* повлиял на их результаты. Какие научные эксперименты были вовлечены: *с кем, что, где и как?* Как они могут гарантировать эффективность и, особенно, как они могут гарантировать значительный максимальный доход на неопределенный срок. — Он сделал паузу, а затем добавил: — Общеизвестно, что срок патентов истекает через несколько лет! Я просто не понимаю.

Харри кивнул. Наступила тишина за столом, пока он просматривал страницы, отмеченные желтыми наклейками. Харри остановился на первой заметке.

— Вот ты написал: *«Где убедительные доказательства?»*.

— Прочитай пункт в вышеупомянутом контракте. Номер находится на заметке.

Харри прочитал вслух:

— *«Все варианты семян, которые модифицированы и улучшены в соответствии с принципами Гениом, гарантированно обеспечат прирост, который превышает соответствующие урожаи из широкодоступных сортов от 30 до 40%»*.

Бак покачал головой.

— Как возможно делать такое заявление? Прочитай мои другие заметки, на следующих листах.

Харри прочитал следующий абзац:

— *«Глобальные рынки семян для лекарственных трав будут постоянно развиваться до достижения доминирования и насыщенности. Тогда в мире культур все будет основано на принципах Гениом. Доходы, таким образом, будут гарантированы до бесконечности»*.

Бак отметил:

— Ты уже знаешь о моих проблемах в настоящее время и понимаешь мой соблазн. Я должен быть абсолютно уверен, прежде чем инвестировать тридцать восемь миллионов во что-то, о чем я многого не знаю. И, хотя это не так много в контексте медицинских исследований, мне нужно быть осторожным, судя по тому, как мировая экономика складывается на данный момент.

Харри кивнул.

— Люди, стоящие за контрактом, кажутся вполне уверенными.

— Согласен, но уверенность должна быть подкреплена чем-то. — Бак откинулся на спинку стула, но тут же выпрямил спину. — Разве нет подушек для этих скамей?

Харри улыбнулся.

— Эмма хочет сохранить аутентичный средневековый колорит. Большая часть мебели в этой таверне берет свое начало задолго до Колумба. Мы думаем, что он нашел кратчайший путь к Индии здесь. — Он пролистал несколько страниц в контракте. — На этой заметке ты написал: «*Как гарантировать конкретные навыки и таланты?*». В соответствующем пункте говорится о рождаемости и воспроизводстве, и что после исследований на людях ученые пришли к выводу, что будущие родители хотят здоровых и умных детей, многие из них имеют определенные предпочтения относительно пола, внешнего вида и уникальных способностей. Исследования *Гениом* ясно указывают на то, что такие желания могут быть выполнены в будущем, наряду с требованиями особых талантов, которые могут... — Харри положил контракт. — Я начинаю видеть довольно мрачную картину, и я не могу сказать, что могу приветствовать все это.

Бак кивнул.

— Это может показаться странным для мирян, которые не в курсе последних научных разработок. Я согласен с тем, каким мрачным все это выглядит на самом деле. Наука далеко продвинулась, и многие прорывы выходят далеко за рамки понимания и восприятия непрофессионалов. Люди видят только результаты, с точки зрения той пользы, которую исследовательская работа принесет позже.

— Назови некоторые из них.

— Легко! Раннее обнаружение дефектов плода, например. Новые методы лечения рака и ВИЧ-инфекций. Или в другом контексте — обеспечение препаратами глубоко слаборазвитые страны третьего мира, там, где население идет спать голодным каждый день, что-то вроде этого. Ты видишь только результаты, а не то, как мы приходим к ним.

Харри покачал головой.

— Ты беспокоишься о фанатичных ученых с их гибкими принципами к этике, но чем ты лучше них? В тот момент, когда ты чувствуешь намек доминирования на рынке или сверхприбыль, твои заботы испаряются.

— Ты забываешь о текущих проблемах в мире, и я говорю не только об экономике. Нам нужны все изобретения, которые мы можем найти, когда на планете скоро будет девять миллиардов человек. И если предложение *Гениом* серьезно, то я уделю ему должное внимание.

Харри изучал голографическую спираль ДНК на обложке контракта.

— Это работа — заманчивое предложение, если только прибить пару сумасшедших ученых и узнать, что на самом деле скрывается за *Гениом*. И, возможно, умирить твою жажду к прибыли и святую веру в прогресс.

Смех Бака отразился от стены старой немецкой таверны:

— Ты забыл, почему я обратился к тебе, *перед тем как* подписать контракт. — Он протянул Харри руку. — Принимаешь ли ты предложение?

— Только если не будет никаких помех от тебя или твоих сотрудников. Нет необходимости в регулярных звонках, ты будешь узнавать новости, когда у меня будет что сказать. Обычная почасовая оплата, и если ты сможешь согласиться с этим, то я возьмусь за эту работу.

Бак кивнул.

— Согласен! Ты всегда можешь воспользоваться нашими корпоративными ресурсами. Общее собрание в следующем месяце, и мне нужно вытащить «*кролика из шляпы*» к этому моменту. — Он поднялся из-за стола и добавил: — Твоя почасовая ставка эквивалентна хорошему адвокату. Тем не менее, я чувствую, что эта работа может занять больше часов в день, чем обычно, поэтому, возможно, тебе следует рассмотреть предложение получить вознаграждение в акциях?

Харри покачал головой и улыбнулся.

– Забудь об этом, Бак! При нынешней мировой экономической ситуации я предпочитаю наличные.

8

Организация, которая была названа *Перинатальной клиникой*, располагалась в двадцати милях к югу от Брюсселя в пригороде Ватерлоо.

Как понятно из названия, это была клиника для новорожденных. В ней трудились восемнадцать сотрудников, которые не получали заработную плату, за исключением уборщиц. Вся клиническая работа выполнялась волонтерами, врачи и ученые работали без вознаграждения. Большинство предметов медицинского назначения, хирургические и терапевтические инструменты, были пожертвованы фондами и фармацевтическими компаниями. Клиника была зарегистрирована в бельгийской государственной системе в качестве некоммерческой организации, и так как не было фактического движения денежных средств, за исключением основных операционных расходов, то и не было требований к строгому ведению бухгалтерского учета.

Никто в клинике не знал настоящих имен друг друга, по крайней мере, официально. Все сотрудники пользовались псевдонимами. Никто из них не мог извлечь выгоду из исследований, проводимых в клинике.

Привлечение новых пациентов не вызывало никаких проблем. Когда будущие матери узнавали, что плод, который они носят, с серьезным генетическим дефектом, являющимся предвестником пожизненных заболеваний, выбор был прост — аборт или генетическая терапия плода, наука, до сих пор не получившая одобрения властей и медицинского мира.

У большинства из них, однако, не было такого выбора. Для будущих родителей, которые решили сохранить беременность, несмотря на неутешительный диагноз, была вновь обретаема надежда.

Тот факт, что существует альтернатива убийству плода, а беременность может быть направлена в нормальное русло и привести к рождению здорового и особенного ребенка, было чудом. Кроме того, лечение было бесплатным. Единственным требованием было подписание юридически обязывающего договора, подтверждающего, что будущие родители добровольно выбрали участие в клинических испытаниях.

Женщина, которая сидела перед доктором в скромно меблированном кабинете, улыбнулась с благодарностью, ее голос был хрупким:

– Я подпишу все, если смогу родить здорового и нормального ребенка.

Доктор слышал это много раз и ответил:

– У нас нет никаких гарантий. Каждая беременность и роды имеют те же риски, с которыми доктора сталкиваются на протяжении тысячелетий. То, что мы *можем*, это помочь вам родить ребенка, который не будет страдать генетическим дефектом. Вам нужно подписать договор и тем самым согласиться с общими рисками, связанными с любой беременностью и родами.

Она нетерпеливо кивнула.

– Я понимаю. Где подписать?

Он вручил ей документы.

– В нижней части страницы, а также на втором экземпляре. Один документ для вас, другой останется у нас.

Она подписала и вернула документы. Он тоже подписал их и вручил ей ее экземпляр.

– Следующий документ подтверждает, что вы не только понимаете, но вы также согласны с тем, что последствия генной терапии могут быть очевидными и в будущих поколениях.

— Я понятия не имею, что это значит, но если терапия гарантирует мне здорового ребенка через семь месяцев, то я подпишу что угодно.

Доктор посмотрел поверх очков:

— Это означает, что будущие наследники вашего ребенка могут родиться с теми же измененными генами, которые мы, так сказать, внедрим в плод.

— Но если он будет здоровым, то я не вижу проблем.

— Я не говорил, что будут проблемы. Только то, что те же гены могут быть очевидными во всех будущих поколениях. Это не обязательно является проблемой.

— Но если я должна подписать, что я понимаю и согласна, то, должно быть, существует риск, связанный с проведением данной процедуры, не так ли?

— Риск существует всегда, даже когда речь идет о так называемых «нормальных» беременностях. Это ваш выбор — аборт или генетическая терапия плода. — Он посмотрел на часы. — Время дорого. Мы обслуживаем ограниченное число пациентов. К сожалению, мы многим отказываем. Это вопрос о научной зрелости получателей наших услуг. Возможно, у вас *остались* вопросы или вы *не согласны* с предложением бесплатного лечения?

— Конечно я согласна. Просто дайте мне бумаги, и я подпишу!

Второй пакет документов включал намного больше страниц, чем первый.

— Прочтите каждую страницу и подпишите их с обеих сторон. Первой подписью вы подтверждаете, что вы принимаете участие в добровольном лечении без принуждения и уговоров, а второй, что вы понимаете содержание.

— Но тогда я должна прочитать его, а у меня нет времени!

— Я только что объяснил, что написано в этом документе. И как я уже говорил, у нас есть другие клиенты, которые ждут свою очередь, чтобы получить подобную услугу. — Он улыбнулся. — Но расслабьтесь, если вам нужно побыть одной, еще не слишком поздно, чтобы изменить свое решение.

27-летняя женщина покачала головой.

— Я знаю об альтернативе, и у меня мурашки по коже, как только я подумаю об этом. — Она осторожно поставила свою подпись на документах, написала свои инициалы в нужных местах и отдала бумаги обратно доктору. — Что теперь?

— Все, кто работают здесь, также занимаются исследовательской работой в других клиниках, поэтому вам необходимо узнать расписание докторов. Мой коллега будет информировать вас о самом процессе и планировать дату встречи вместе с вами. — Он встал и протянул ей руку. — До свидания!

— Но я не получила копии того, что только что подписала.

— На этот раз мы сохраняем копии для наших научных архивов. Первого документа для вас достаточно. — Он пожал плечами. — Достаточно бумажек в этом мире, не правда ли?

Она улыбнулась.

— Я рада, что могу участвовать в программе.

Он положил руку ей на плечо и направился к выходу.

— Здоровый и нормальный ребенок, действительно, благословение и *ваш шанс*, мадам!

9

Харри отправил водителя Бака в магазин, дав ему список покупок, а сам продолжил обсуждать содержание контракта с Баком.

Харри указал ручкой на пункт в контракте:

— Это для меня китайская грамота... Я ничего не понимаю! — Затем сделал паузу, глядя Баку прямо в глаза, и добавил: — Я не уверен, что я именно тот человек, который нужен для этой работы.

Бак только покачал головой.

— Если бы мне нужен был лицензированный адвокат, я бы не побеспокоил тебя. Твоя задача состоит в том, чтобы не оценивать элементы договора, а проникнуть в мелкий шрифт и узнать некоторые имена. Поэтому я уверен, что это работа именно для тебя, Харри! Терпение — не моя самая большая добродетель, но я буду рад объяснить тонкости, прежде чем ты приступишь к работе. Так что давай, спрашивай! — Бак ослабил зеленый галстук. — Я никогда не вел переговоры с тем, личность кого я не знаю. Так никогда не делается.

Харри кивнул.

— В том, как я это вижу, нет ничего, чтобы продолжать вести переговоры. Лучше отклонить контракт и оставить все *как есть*.

— Тогда, по крайней мере, есть то, что ты понимаешь. Попробуй также понять, что в мире, который сосредотачивается на политической корректности, строгих принципах бухгалтерского учета, этике и устойчивости это действительно *имеет* значение, как консорциум за контрактом обещает прибыль за патенты.

Харри улыбнулся: это было не случайно, что Бака Фрейзера за его спиной называли *Старым Бульдозером*.

Прошло несколько часов, и Харри собирался подвести итог нескольких заметок Бака, когда Эмма появилась в трактире. В мгновение ока она выбрала бутылку вина из широкого ассортимента, разлила по зеленым бокалам и присоединилась к мужчинам.

— Я думаю, что вы упадете в обморок, вкусив этот виноград. — Она закрутила соломенно-желтую жидкость в бокале, чтобы почувствовать аромат вина. — Это сорт белого винограда *Мюллер-Тургау*, который был культивирован специально для климатических условий южной Германии. — Она вручила каждому из них по бокалу. — Пожалуйста, попробуйте.

Они пили и одобрительно кивали. Харри поставил бокал, взял контракт, собрал заметки, которые сделал, пока изучал его, и встал.

— Простите, но есть несколько вещей, которые мне нужно закончить перед обедом.

Бак нахмурился.

— Ты помнишь, что контракт с интегрированным чипом?

— Я не буду сканировать или копировать контракт, но я сомневаюсь, что страницы чувствительны к 35-миллиметровой камере со старомодной киноплёнкой.

Бак покачал головой.

— Почему я не подумал об этом, прежде чем уехать из дома?

Харри улыбнулся, поцеловал Эмму в щеку и повернулся к Баку:

— Увидимся в семь. Ты уладил все дела?

Бак посмотрел на Харри.

— Не беспокойся, у меня есть секретарь, которая позаботилась о том, чтобы я знал свое месторасположение.

Харри ушел в импровизированный мансардный офис и сфотографировал 36 страниц контракта камерой со светочувствительной пленкой без использования вспышки. Затем он высыпал содержимое пакета, то, что водитель Бака купил по его просьбе в Кобленце: нашел бутылочки с химическим проявителем и фиксирующую жидкость. У него было несколько пластиковых мисок из кухни в таверне, теперь он мог проявить пленку. Он ушел в фотолабораторию на чердак.

Через некоторое время он вышел из фотолаборатории с пленкой. Вернувшись в офис, он просмотрел снимки, перевел снятые страницы договора в электронный формат, скопировал их на *USB-флэшку* и сделал копии. Затем Харри загрузил содержание контракта в простую программу распознавания слов, скопировал текст в документ программы *Word* и сделал так,

как часто делал, работая детективом, — начал поиск в Интернете, используя ключевые слова и текстовые ссылки.

Харри сделал несколько поисков и примерно через час объединил результаты в логический контекст. Потом он откинулся на спинку кресла, изучая найденное и переваривая полученную информацию. Харри тяжело вздохнул, он обычно записывал свои мысли и идеи. Проблема с контрактом *Гениом* заключалась, однако, в том, что никакие ассоциации не появились и его интуиция молчала.

Он изучил результаты, которые состояли из беспорядочной информации, не имевшей никакого смысла. Через полчаса, когда ноутбук был еще пустым, Харри понял, что ему нужна помощь, но не от кого попало. Он провел несколько минут, обобщая ключевые слова для резюме кандидата: человек должен был быть молодым и знать обо всех современных компьютерных ИТ-технологиях. Идеальный кандидат должен знать, как обойти фильтры поисковых систем и получить доступ к научным базам данных. Человек должен доказать свой профессионализм, и было допустимо, если бы кандидат был также знаком с взломом секретных файлов, однако ни при каких обстоятельствах не имел судимости.

Перед тем как покинуть чердак, чтобы переодеться к обеду, Харри загрузил поисковые данные для идеального кандидата в свой ноутбук, который был запрограммирован на совершение автоматических запросов и сохранение результатов в назначенную папку.

***

Четырехэтажное деревянно-кирпичное здание XVI-го века выглядело как перевернутая пирамида, где каждый этаж нависал над предыдущим. Дубовые балки были черными, а каменная кладка — белого цвета. Узкие притоки Рейна струились вдоль стен с двух сторон дома, и вход в ресторан был доступен через мостик, по которому можно было добраться только пешком.

Водитель Бака высадил их как можно ближе к ресторану, и когда Бак увидел средневековую идилию, которая была освещена лучами заходящего солнца, он остановился и, улыбаясь, положил руку на плечо Эммы.

— Это впечатляюще, не так ли, Эмма?

Она кивнула и взяла его под руку.

— За строгим «фасадом» бизнесмена бьется сердце романтической природы.

Бак заметил, что Харри улыбается и ответил:

— Было бы замечательно!

Они поднялись по лестнице на балкон и сели за столик с видом на Рейн.

Бак, который переоделся в белый смокинг с розовой рубашкой и красным галстуком-бабочкой, пытался говорить по-немецки, хотя и с тяжелым американским акцентом:

— Я давно не ел приличный шницель. — Пробубнил он. — Я просто не вижу его в меню...

Официантка посмотрела на него с недоверием:

— Вы должны понять, сэр, это не немецкая кухня. — Произнесла она с преувеличенным смирением. — Я понимаю, конечно, но если вы попросите повара любезно, он, вероятно, может приготовить шницель из телятины.

Бак вытащил 100 евро из нагрудного кармана пиджака и добавил:

— Шницель для троих, жареный картофель, салат и все остальное на ваш вкус.

— Я посмотрю, что я могу сделать, сэр.

Она уже спускалась по лестнице вниз, когда Бак завопил:

— И бутылку лучшего местного шампанского, *bitte*⁹! — Затем он повернулся к Харри. — Это обычная вежливость — попросить местной кухни. Возможно, для тебя уже нет никаких секретов?

— Боюсь, что у меня не так много есть что сказать. Мозги, стоящие за контрактом, очень умны, но это все слишком совершенно. Позволь мне сказать, что я начал поиск, который ведет нас в нужном направлении.

— Мог бы ты говорить так, чтобы я понимал тебя, Харри?

Официантка поставила три высоких бокала на стол, открыла немецкий эквивалент шампанского и разлила по бокалам.

— Шеф-повар согласился приготовить шницель, и если вы захотите красного вина, то он будет рад выбрать хорошую бутылку для вас.

— Вы ангел, *fraulein*¹⁰!

Она застенчиво улыбнулась и исчезла.

Бак выпил и кивнул Харри, чтобы тот продолжал.

— Мы — динозавры в электронном мире, Бак! Суть в том, что если мы не можем найти того, кто стоит за контрактом с помощью обычных методов, то нам придется использовать нестандартные методы решения этой проблемы. Мне нужен компьютерщик в качестве партнера.

Все это время, пока Харри говорил, Бак молчал и дергал бабочку, и, наконец, взорвался:

— Ни в коем случае, Харри! Это поставит под угрозу все требования конфиденциальности. Я не позволю тебе сделать этого. — Он тяжело дышал. — Более того, я сомневаюсь, что компьютерщик может помочь в этом контексте. Таких у нас в компании много, но они не подходят для детективных задач.

Харри был невозмутим.

— Тот, кто нам нужен, это специалист, который может произвести квалифицированный поиск в элементах контракта и в контекстах. — Харри отпил шампанское и добавил: — Опытный хакер не будет делать что-то не так.

Бак помолчал несколько секунд, прежде чем кивнуть.

— Если ты действительно думаешь, что можешь решить эту проблему с помощью хакера, то, по крайней мере, сделай так, чтобы не было никакой связи со мной или моей компанией. Мое самое большое беспокойство — конфиденциальность... И, конечно, фактор времени.

Харри собирался ответить, но в это время немецкий повар подошел к столу и повернулся к Баку:

— Не хотите ли попробовать соус, сэръ?

Он поставил соусник размером с наперсток на тарелку Бака. Бак кивнул и попробовал. Повар налил красное вино в сковороду с мясом.

— Приятного аппетита!

Бак нарезал шницель, потом остановился и посмотрел на Харри:

— Ты не закончил объяснять свою стратегию.

— На самом деле, это довольно просто: у меня будет компьютерный гений, который сможет проникнуть в отдельные базы данных и посмотреть, что происходит. Сочетание старого мира и нового. В мгновение ока ты будешь знать, с кем ты имеешь дело, а затем сможешь принять необходимое решение.

— Делай как тебе угодно, но сделай это быстро. Общее собрание уже в следующем месяце. Ни при каких обстоятельствах я не могу отложить решение более чем на пару недель.

---

⁹ Bitte — Пожалуйста (нем.)

¹⁰ Fraulein — Барышня, девушка (нем.)

После обеда водитель Бака доставил их обратно в гостевой дом в Бахарах. Бак был в своем самом галантном настроении, поцеловал Эмму в щеку, поблагодарил за прекрасный вечер в ее компании, а затем напомнил Харри, что они продолжают свои переговоры сразу же после завтрака на следующее утро, и ушел в свой номер.

Эмма послала Харри взгляд, который не оставил никаких сомнений относительно того, что она имела в виду, и, качая головой, сказала:

– Немецкий виноградник — наш первый совместный проект, а не что-то, что мы получили в наследство или нам кто-то навязал. Я была уверена, что твое сердце стремилось к новому образу жизни, Харри. Как бы ты отреагировал, если бы я изменила курс в середине пути?

Он искал ответ, который удовлетворил бы ее, попытался поцеловать ее в щеку, которую она убрала, и, в конце концов, ответил:

– Я знаю, что это плохо, но половина риска заключается в том, что сотрудников *ГлобалХим* уволят, если Бак не найдет решение. Он нуждается в моей помощи, и это будет просто...

Она приложила палец к его губам.

– Мы говорим не только о *ГлобалХим*. Ты был беспокойным в последнее время. Бизнес с винзаводом еще не запущен.

Он покачал головой.

– Это не окончательное решение, и еще не слишком поздно, чтобы отправить Бака к другому детективу.

Она смотрела, как морщины становятся более заметны на его лбу.

– Нужно ли будет уехать на этот раз?

– Если это понадобится, то я обещаю тебе, что это будет только на несколько дней.

– Не делай никаких обещаний, Харри. Просто помни, «*Солнечный виноград*» — наш совместный проект. Ты мне нужен здесь!

– Это будет всего лишь несколько дней. К тому же ты знаешь гораздо больше о винном бизнесе, чем я.

– Но я устала принимать все решения самостоятельно. Разве ты не понимаешь?

Он наклонился к ней, и на этот раз она позволила ему поцеловать себя в шею. Потом он поцеловал ее в лоб, ощутил аромат ее волос, перешел к ее губам, и через некоторое время они отпустили друг друга, тяжело дыша.

– Пойдем со мной!

Он взял ее за руку, повел на второй этаж по деревянной лестнице, открыл дверь в один из мини-люксов трактира, где располагалась спальня с антикварной кроватью под балдахином.

Когда он включил свет, она покачала головой:

– Но наши апартаменты этажом выше.

Он убрал занавес в сторону и потянул ее на кровать.

– Хар-рри! — Умоляла она. — Номера должны быть готовы для гостей к утру.

– Персонал позаботится об этом.

В то время, как он целовал ее в губы, он попытался расстегнуть ее блузку. Эмма слабо сопротивлялась.

– Но моя ночная рубашка в наших апартаментах наверху.

– Она тебе не понадобится.

Эмма наблюдала, как он потянул свою футболку через голову и кинул ее на пол. Харри расстегнул ее шелковую блузку и с восторгом посмотрел на ее грудь. Он поцеловал ее в плечо и почувствовал тепло и слабый вкус соли на ее коже. Затем отодвинулся от нее, и улыбка появилась на его лице, он восхищено посмотрел на ее обнаженное тело и копну волнистых рыжих волос, упавших на ее плечи. Харри придвинулся к Эмме ближе и плотно прижался к ее телу.

Рыбацкий коттедж в Тоорбик, расположенный к северу от Копенгагена, был настолько мал, что не был пригоден для проживания: 600 квадратных футов, два этажа с площадью настолько малой, и стены так наклонены, что можно было стоять только в самой середине комнаты. Тем не менее, половину мансарды занимал офис датчанина, Миккеля Алварсена. Дом был небольшой, но месторасположение — уникальное.

Миккель был продвинутый хакер, собирая секретную информацию об анонимных клиентах со счетами в Швейцарских банках, он случайно наткнулся на огромную денежную аферу по отмыванию «грязных» денег на самой вершине швейцарской банковской системы.

Миккель взломал систему и после судебного процесса был приговорен к 17-летнему тюремному сроку, но был освобожден всего через неделю на двух условиях: он подпишет заявление о том, что никакого мошенничества в банке никогда не было и он больше никогда не придет в Швейцарию.

Швейцарские власти предложили ему закончить карьеру, и, проведя неделю в изоляторе в Женеве, он был настолько «промотивирован», что прислушался к советам. Несмотря на логику, он сохранил первоначальный бонус при прощании с банком — пять миллионов швейцарских франков, примерно столько же в долларах. С тех пор он не был заинтересован в открытии нового бизнеса. Не работая несколько месяцев, он, в конце концов, нашел свою нишу в качестве ИТ-консультанта.

Так как ему не нужны были деньги, он ничего не предпринимал для рекламирования своих услуг. Его отношения с подругой, датско-иранским адвокатом Дениз Халмстрэнд, которая была косвенной причиной швейцарского инцидента, а также добила его освобождения, привели к браку, и вскоре он станет отцом. И это еще одна причина, чтобы работать, не нарушая закон.

После нескольких месяцев мучения с администрацией округа, рыбацкий коттедж был одобрен для бизнеса как офис, но без возможности проживания. Однако Миккель проводил в нем больше времени, чем того требовала его работа. Большую часть своего времени он тратил на уход за орхидеями — хобби, которое превратилось в навязчивую идею. Дом или, вернее, ранчо в Сэндхилл, которое он приобрел вместе с Дениз, находилось всего в нескольких милях к северу.

У него не было работы более месяца, но он все равно рано утром уехал в офис. Орхидеи, которые Миккель выращивал в теплице, переоборудованной из чердака и расположенной рядом с компьютерным центром, были необыкновенно красивы. Он осмотрел редкие растения и, убедившись, что влажность и температура должным образом скорректированы, искал в Интернете последние новости в компьютерной области. Он был особенно одержим операционными системами *Apple*, которые до недавнего времени было трудно взломать. Миккель был на грани взлома исходного кода и удивился, когда вдруг зазвонил телефон.

Приятный американский голос представился:

— Я — Харри Макфалейн. Во время поиска в Интернете я увидел одно имя. Там было... Э-э-э... Затруднительное положение в Женеве несколько лет назад. Я разговариваю с этим человеком?

Взрыв адреналина пробежал по телу Миккеля.

— Этот вопрос был решен раз и навсегда. Я был осужден, но позже оправдан. Это было большое недоразумение. — Миккель помолчал и добавил: — Я не думаю, что было возможно найти что-нибудь в отношении этого старого инцидента.

Американец ответил уверенным голосом:

— Существует много информации в Интернете, мистер Алварсен, если вы знаете, где и как искать. Есть ли у вас минутка?

— Это зависит от темы разговора.

– Я — частный детектив, и мне нужна информация о научно-исследовательской фирме. Мой клиент — американский фармацевтический гигант. К сожалению, я не могу...

Миккель перебил его:

– Я больше не при делах, на которые вы намекаете. И раз вы знаете так много обо мне, и я верю, что это так и есть, то вы наверняка понимаете, почему.

– Пожалуйста, прислушайтесь к тому, что я должен сказать. Возможно, я смогу привлечь ваше внимание.

– Может быть, но деньги не мотивируют меня.

– Эту цель вы преследовали на тот момент вашей жизни, но я уверен, что сегодняшний случай имеет профессиональный интерес, который вы можете найти увлекательным.

– Если речь идет о взломе и поиске чего-либо, то я больше не занимаюсь этим.

– Мой клиент нуждается в тривиальной информации.

– Вот так это всегда начинается!

– Как я уже сказал, мой клиент — крупная фармацевтическая компания, которой была предложена серия эксклюзивных патентов, связанных с ДНК-модифицированными фармацевтическими продуктами. Из-за расширенных мер по обеспечению конфиденциальности, мой клиент не знает личность, которая стоит за контрактом. Преимущества контракта, однако, весьма перспективны, и мой клиент хочет знать, кто стоит за этим предложением. Результат не оправдывает средств.

– Тогда, может быть, природа человечества изменилась, пока я спал?

– Если бы это было правдой! Тем не менее, очень важно, чтобы мой клиент знал, с кем он имеет дело. Я был бы признателен вам за вашу помощь.

– В чем конкретно будет состоять моя работа?

– Основываясь на условиях контракта, которые я быстро проанализировал, ваша задача будет состоять в том, чтобы идентифицировать компанию. Вместе со мной, конечно.

– Не было бы проще обратиться к адвокатам, составившим предложение, напрямую? Я предполагаю, что оно было составлено с юридическими тонкостями.

– Это было моей первой мыслью тоже, но мы говорим об уникальных генетических исследованиях. Адвокаты, подавшие предложение, связаны клятвами молчания.

– Какие сроки на выполнение работы?

– Несколько недель максимум.

– Как вы собираетесь это сделать?

– В первую очередь, с помощью интенсивных поисков в фармацевтических базах данных мировых патентов, медицинских документах и научных исследованиях, и, в случае необходимости, при поддержке электронного распознавания текстов, шаблонов слов и тому подобное.

– Не будет никакой необходимости для взлома, вы уверены?

– Только если вы сочтете это нужным. У вас будут свои собственные правила.

Миккель откашлялся.

– Мы будем искать только в открытых базах данных, и мы будем приобретать доступ только легально, если это понадобится! Мы также должны получить доступ к специальным базам данных интрасети и замкнутым системам.

– Ваши условия приемлемы, но, безусловно, ваши услуги должны быть оплачены. Сколько они стоят?

– На какую сумму контракт у вашего клиента?

– Мы говорим о передовых исследованиях, поэтому я уверен, вы будете щедро вознаграждены. Авансовый платеж — тридцать восемь миллионов долларов, плюс лицензионные сборы.

Миккель быстро посчитал в уме.

– Тогда одна тысячная от стоимости контракта, плюс расходы, если нам удастся получить информацию.

– А что насчет оплаты, если у вас не будет результата?

– Я не рассматриваю этот вариант. Когда вы намерены начать?

– В настоящее время мы остановились в деревне на Рейне, корпоративный самолет ждет во Франкфурте. Вы приедете к нам или мы должны прилететь к вам?

– Когда вы планируете встретиться?

– Сейчас, конечно!

Миккель помолчал, прежде чем ответить:

– Здесь у меня есть все для работы, так что если вы приедете ко мне, мы сразу приступим к работе. Но мне нужны факты, так что отправьте все, что у вас есть по электронной почте, а я пока посмотрю, на это тоже уйдет некоторое время.

– Мы имеем дело со сложными людьми, мой клиент не хочет никаких бумаг, виртуальных или каких-либо других. Вам придется подождать, пока мы встретимся. Кроме того, вы должны будете подписать заявление о конфиденциальности.

– Я понимаю, и я подпишу его. Когда вы приедете?

– В обед.

– У вас есть адрес?

– Если вы не переехали, я не думаю, что будет трудно найти вас в Тоорбик.

– Я не переехал. — Миккель колебался, он хотел задать один вопрос, волновавший его с самого начала разговора. — Мне интересно, так почему именно я?

Харри рассмеялся:

– Если вы действительно смогли взломать швейцарскую банковскую систему и быстро освободиться с помощью государственных чиновников высокого уровня, вы, вероятно, сильно смутили их, поэтому я уверен, что вы справитесь с этой работой.

– Если здесь был скрыт комплимент, то я принимаю его. Но как я уже сказал, в этом или любом другом случае хакерства не будет.

– Вы будете делать так, как вам нравится, мистер Алварсен. Просто помните, что личность нашего клиента ни при каких обстоятельствах не может быть связана с этим расследованием.

Миккель громко вздохнул:

– Я даже не знаю кто клиент.

– Вы скоро узнаете.

11

Это был необычный кабинет врача: старинная мебель и дизайн производили неизгладимое впечатление.

Супружеская пара сидела в комнате с высоким потолком и мебелью времен Людовика XIV и слушала внимательно доктора, расположившегося в антикварном кресле напротив них.

– Решение, которое вы собираетесь принять, очень важное. Главное, чтобы вы в полной мере понимали, о чем идет речь. — Седовласый доктор откинулся в кресле, устремив взгляд в первую очередь на мужчину, потом на женщину, и продолжил: — Последствия будут далеко идущими, так что вы должны понимать мое стремление знать все о ваших личных причинах для принятия такого важного решения. И это не мое праздное любопытство или каприз. Кто начнет?

Женщина застенчиво улыбнулась и, смотря на мужа, произнесла:

– Ты не против, дорогой? Я думаю, что лучше, если я начну. — (Мужчина кивнул). — Я из музыкальной и очень талантливой семьи, доктор. Согласно моей генеалогии, у нас в семье всегда были композиторы и музыканты-виртуозы. Без ложной скромности я могу сказать, что

мой отец был известный дирижер — Владимир Быховский. Мой брат — скрипач, выигравший все конкурсы и ставший концертмейстером в Аугсбурге, играет Вагнеровские оперы. Я — пианистка, и мои концерты расписаны на следующие два с половиной года вперед, поэтому мы сегодня здесь. Как вы понимаете, музыка течет в венах нашей семьи, и моя мечта, что она будет течь и в наших последующих поколениях.

Женщина, которой было около 30 лет, взяла за руку мужа и улыбнулась, а он добавил:

— Дело в том, доктор, что у меня нет слуха. Я не играю ни на каких музыкальных инструментах, не могу петь, и если в редких случаях я делаю такую попытку, это звучит ужасно, мне *«наступил на ухо медведь»*. Это не значит, что я не люблю музыку или искусство, на самом деле... — Он указал на картину на стене позади врача. — Это подлинный Дега¹¹?

Доктор улыбнулся.

— Все картины в этом кабинете подлинники Эдгара Дега.

Мужчина явно был впечатлен.

— Конечно, можно по достоинству оценить великих импрессионистов и других художников, не будучи в состоянии сделать даже один мазок самому. То же самое с музыкой. На самом деле я люблю классическую музыку. Мы с моей женой встретились на ее концерте, ее игра на фортепиано было настолько удивительна и прекрасна, что я захотел познакомиться с исполнительницей. Остальное вы можете себе представить. Я разделяю желание моей жены иметь музыкально одаренных детей, но шансы со мной, как отцом, сомнительны.

Доктор провел рукой по копне седых волос, задумчиво кивая:

— Я понимаю ваше желание иметь музыкально одаренного ребенка, но вы должны понимать, что кроме рационального мышления есть и другое, — эмоциональные последствия принятия такого решения. — Он замолчал, задумался и потом продолжил: — Уверен, что вы будете испытывать те же чувства к этому ребенку, как и к собственному. Ваша жена, конечно, тоже, потому что если вы решите сделать эту процедуру, то именно ее яйцеклетка будет использована. Мы, в отсутствие лучшего слова, *обогатим* ее, и ваша жена выносит этого ребенка. Важно, однако, чтобы вы понимали эмоциональные изменения в течение последующих лет, когда ребенок будет расти. *Особенно* в контексте артистически одаренных детей, которые часто ведут себя и реагируют по-другому, чем обычные дети.

Женщина сжала руки так, что костяшки на пальцах побелели.

— Скажи, дорогой...

Мужчина нетерпеливо кивнул.

— Моя жена и я, много раз с момента нашего последнего визита, думали об этом. Безусловно, будет больше и гораздо больше проблем, чем если бы зачатие происходило обычным способом. Честно говоря, мы оба считаем, что умственно и эмоционально готовы к этому вызову. Важным фактом является то, что мы согласны и готовы сделать это.

Доктор прочитал свои записи, а затем посмотрел на мужчину:

— Я уверен, что вы действительно согласны, месье. Тем не менее, я предлагаю вам пройти серию психологических тестов. Мне интересно узнать больше о ваших проблемах со слухом. То, что вы называли *«медведь на ухо наступил»*. И тот факт, что у вас подлинная любовь к музыке, и вы посещаете концерты классической музыки и оперы. Готовы ли вы пройти такие тесты?

Мужчина посмотрел на свою жену.

— Я готов сделать что угодно, чтобы моя жена... Мы могли иметь одаренного ребенка. Мы оба этого хотим!

Доктор позволил себе профессиональную улыбку.

---

¹¹ Эдгар Дега — французский живописец, один из виднейших представителей импрессионистского движения.

— Тогда я предлагаю вам пройти ряд тестов, которые определяют ваши творческие таланты, в том числе и способность к музыке. — Он сделал паузу, и было очевидно, что он внимательно рассматривал список тестов, которые включали в себя и магнитную стимуляцию мозга. — Тем не менее, не волнуйтесь, потому что это безвредно. Тест покажет ваш истинный музыкальный потенциал или иные творческие таланты, которые, возможно, были не развиты в процессе вашего воспитания. Если это так, то моя рекомендация будет в том, чтобы ваша жена зачала и родила ребенка обычным способом. Есть ли у вас проблемы с этим?

— Нет. Скажите мне, когда я должен пройти тесты?

— Отлично, но есть некоторые практические детали. Первая — оплата. Цена для реализации того, что вы хотите, составляет 300 000 евро. Благодаря вашим уникальным требованиям, будут дополнительные расходы, еще 500 000. Возможно, больше. — Он посмотрел на пару. — Будет ли это проблемой для вас?

Они покачали головами, давая тем самым понять, что нет никаких проблем.

— Следующий этап — это бумажная волокита. — Он улыбнулся. — Можно с уверенностью сказать, что это необычный романтический способ зачать ребенка. Наше вмешательство является законным в отношении осеменения для обычных пар, а также геев и лесбиянок. Однако, совсем другое дело, когда речь идет о репродуктивных предпочтениях. Тогда, конечно, есть также донор, которого мы будем использовать в вашем случае, и простите меня, но он не сможет дать свое согласие. К тому же, мы будем использовать не его сперму, а долю генетического наследственного материала, что делает процедуру более сложной. Метод, однако, тщательно тестируется, и мы внимательно следим за развитием плода в течение всей беременности. Нам нужны ваши подписи на нескольких документах, чтобы быть уверенными, что вы знаете, с чем вы соглашаетесь, и не будите подавать в суд, если ваш ребенок будем иметь наследственные болезни или черты характера, которые могут латентно присутствовать в ваших биологических семьях. Документы останутся у нас, и не будет никаких копий. Беременность и роды будут протекать как обычно. Не будет никаких следов или доказательств того, что мы выполнили ваше желание и провели процедуру. Действительно ли вы согласны?

Женщина кивнула и посмотрела доктору в глаза:

— Я говорю за нас обоих, когда произношу «мы». Тем не менее, мы озабочены тем, чтобы узнать, какого донора вы имеете в виду. Когда вы будете в состоянии раскрыть личность?

Доктор хитро улыбнулся.

— Донор готов. Имя *Бетховена* говорит вам о чем-нибудь?

В комнате наступила тишина, доктор наблюдал за парой, откашлялся и добавил:

— Вы понимаете, что я только что сказал?

Женщина встала и подошла к доктору, обойдя античный стол, наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Новый Бетховен! Я не могу выразить, как я взволнована! Спасибо, доктор, спасибо!

12

Полет в Копенгаген на частном самолете компании *ГлобалХим* занимал чуть меньше часа.

Харри и Бак сидели друг напротив друга, наблюдая, как Франкфурт исчезает под ними. Когда пилот выключил табло «*Застегните ремни*», Бак встал, нашел пару бутылок минеральной воды в холодильнике и поставил их на стол перед Харри.

— Что собой представляет этот твой датский компьютерщик-привидение?

Харри долго смотрел в недоумении на зеленый пиджак и желтую рубашку, которые Бак выбрал для путешествия, и только потом ответил:

— Мы имеем дело с необычным компьютерщиком: Миккель Алварсен обычно предоставлял конфиденциальную информацию крупным европейским банкам об их клиентах — дан-

ные, которые они не имеют право собирать. На самом деле он супер хакер, очень осторожный, никто не пострадал и ничего не потерял. К сожалению, при поиске конфиденциальной информации он попал в швейцарские секретные системы и наткнулся на некоторые «мертвые» банковские счета, которые использовались для отмыwania мафиозных средств Восточной Европы. Его дело, что в данное время засекречено, имело много недоразумений, прежде чем власти выяснили, что происходит: старые боссы Женевы подкупили судью присудить Миккелю 17-летний тюремный срок — больше, чем за убийство. На самом деле он провел за решеткой неделю, а потом высокие эшелоны швейцарской власти освободили его, чтобы избежать дальнейших недоразумений и скандалов, касающихся их банков. Ему теперь отказано во въезде в Швейцарию на всю оставшуюся жизнь.

Бак улыбнулся.

— Попросту говоря, мы имеем дело с предприимчивым молодым человеком. — Он посмотрел на свои очки. — Будучи хакером, я предполагаю, что он молод.

Харри кивнул.

— После того, как дело в Швейцарии было закрыто, он досрочно вышел на пенсию в возрасте 35 лет, где-то пару лет назад. Он уже заработал хорошие деньги за оказанные услуги в банковском мире. Также у него остался бонус — несколько миллионов швейцарских франков в качестве утешительного приза за незаконное лишение свободы.

— Как он будет способствовать нашему делу?

— В первую очередь, определит и уточнит критерии, касающиеся научных исследований, которые мы расследуем. Кроме того, его навыки взлома могут гарантировать, что... Нет, тебе не нужно этого знать. Позволь мне просто добавить, я уверен, что это в его силах.

Бак отхлебнул минеральной воды перед строго глядящим на него Харри.

— Просто проконтролируй, чтобы не было ни одного намека, по которому можно будет отследить мою компанию.

— Вот почему тебе не надо знать большего сейчас! Датчанин дал понять совершенно ясно, что он не собирается заниматься хакерством, но он может научить меня трюку или двум.

Бак откинулся на спинку стула и посмотрел в иллюминатор. Через мгновение он повернулся к Харри с хитрым выражением лица:

— Никто не может услышать нас здесь. Ты думаешь, что мог бы убедить его «посмотреть» в базы данных научных организаций, касающихся нашего вопроса?

Харри улыбнулся.

— Для того, кто не хочет много знать, ты довольно любопытен. Будь уверен, Бак, он больше не занимается хакерством.

— Но если я тебя правильно понимаю, ты придумал хитрый план, не так ли?

— Мы пока не будем говорить об этом.

Когда самолет приземлился в аэропорту Копенгагена, их уже ожидало такси. Через полчаса машина остановилось в приморской деревне к северу от датской столицы, названной Тоорбик.

Бак посмотрел на дом, а затем уставился на Харри:

— Выглядит странно... Это не может быть нужным местом...

Харри уточнил адрес у водителя, затем позвонил в дверь. Минуту спустя голос с датским акцентом поприветствовал их из домофона.

Бак внимательно осмотрел молодого датчанина: он был несколько выше самого Бака, коротко стриженные светлые волосы и трехдневная щетина на загорелом лице. Бак кивнул и протянул датчанину руку. После обмена любезностями Миккель Алварсен пригласил американцев наверх.

То, что раньше служило в качестве спальни, теперь было комнатой для встречи гостей. Из комнаты открывался вид на компьютерный центр с четырьмя мониторами и электронным оборудованием. На противоположной стороне — панорамное окно, открывающее вид на захватывающий пейзаж: пристань, яхты, море.

Бак заметил орхидеи за стеклянной перегородкой и подошел поближе.

— Я знаю совсем немного о цветах, об этом меня просветила моя жена, и поправьте меня, если я ошибаюсь, но там, кажется, некоторые редкие экземпляры.

Миккель одобрительно кивнул и улыбнулся.

— Не просите меня произносить латинские названия. Цветы помогают мне отвлечься, так как я изменил свой образ жизни.

Бак кивнул.

— Довольно сложная задача, я полагаю.

— Вы просто должны следить, чтобы они находились при нужной температуре и были умеренно политы, и только сверху, так, чтобы корни не гнили. Так что это просто.

Бак открыл дверь в теплицу, почувствовал теплый, влажный воздух и быстро закрыл дверь.

— Все очень просто, когда вы знаете что и как делать.

Миккель проводил их в комнату, налил кофе, а затем посмотрел на Бака.

— Прежде чем мы начнем, я должен подчеркнуть, я буду оказывать помощь только при регулярном поиске данных по открытым каналам.

Американец, который некоторое время молчал, неожиданно наклонился вперед и похлопал Миккеля по плечу.

— Я люблю откровенный разговор. Вы, наверное, знаете, одна тысячная стоимости контракта составляет тридцать восемь тысяч долларов, не так ли? Вполне прилично за пару недель работы. Конечно, это не может распространяться на стоимость последующих патентов, если я вас правильно понимаю.

Миккель быстро прикинул в уме, сколько это будет в датских кронах, и даже если курс доллара снизился в последнее время, сумма соответствовала паре сотен тысяч датских крон. Он попытался скрыть улыбку.

— Я хочу быть уверен, что никаких недоразумений не будет. Вы можете подтвердить, что если я выявлю людей, стоящих за контрактом, то в любом случае получаю вознаграждение, даже если вы не подпишите контракт?

Бак изучал скандинавский стиль чердака-офиса, повернулся и посмотрел на Миккеля:

— Если информация укажет на то, что мы имеем дело с сомнительными персонажами, я, очевидно, не подпишу контракт, но вы будете молчать о найденной вами информации. — Он выдержал одну из своих длительных пауз, перед тем как продолжить: — Так что если я не приму их предложение, мы встретимся на полпути и закроем дело, и я заплачу половину. Итак, мы работаем вместе?

Миккель не проявил никаких эмоций.

— Я считаю, что это справедливо. Я согласен!

Харри достал копии предложения по контракту из портфеля.

— Прежде чем мы рассмотрим все факты по нашему делу, давайте пропустим формальности, что сделает наши общение более свободным.

Бак и Миккель кивнули в знак согласия.

Харри продолжил:

— Я не являюсь специалистом в данной области, но на основании того, что я *знаю*, могу сделать вывод. Мы говорим об эксклюзивных правах в направлении трех категорий: одни предоставляют лицензионные права на производство и распространение новых лекарственных средств, разработанных с помощью генной инженерии веществ; другие имеют дело с репро-

дуктивным предпочтением пола и наследственности ребенка; третьи — о генетически модифицированных лекарственных травах. — Он посмотрел на Бака. — Ты хочешь что-нибудь добавить?

— Нет, продолжай.

Харри вручил Миккелю копию контракта.

— Это очень благоприятный для *ГлобалХим* контракт, поскольку он гарантирует долгосрочные доходы в миллиарды, и что, как мне сказали, крайне редко. Как правило, существуют минимальные требования роялти от лицензиата, и не предоставляется никаких гарантий. Что еще более удивительно — гарантийный срок, который...

Бак прервал:

— До бесконечности, *навечно!*

Миккель кивнул и перелистал страницы.

— Это все есть в контракте?

Харри кивнул.

— Страница 11, раздел 22, пункт «б». Прочтите!

Миккель нашел соответствующую страницу, абзац, прочитал, а затем поднял глаза:

— Я не знаком с иностранным юридическим языком, но как возможно гарантировать что-либо «навечно»?

— Это одна из причин нашей встречи. Либо мы имеем дело с хаотичной группой ученых, либо они знают то, чего не знаем мы. — Бак замолчал и потом добавил: — Этика должна быть безупречна. Проще говоря, я должен знать с кем и с чем я имею дело.

Миккель пролистал страницы контракта и сделал несколько заметок.

Харри передал ему другие документы и лист бумаги, на котором он выписал систематически сгруппированные слова из контракта.

— Это контрактные и диссертационные документы, которые мы должны изучить.

— Но, конечно, все это должно было быть оформлено при посредничестве юридической фирмы?

— Мы знакомы с именем этой фирмы — той, которая занимает несколько этажей в одном из небоскребов Нью-Йорка и на которую работают тысячи адвокатов. Когда мы спросили их об этом контракте, они отправили нас в швейцарскую юридическую фирму с филиалами в ряде европейских стран. Мы пытались разговорить их, но они хранят молчание.

Миккель положил контракт.

— Тот факт, что мы знаем юридическую фирму, является ценной информацией. Люди, работающие над контрактом, сделали все, чтобы скрыть свою личность и, вероятно, думают, что они были очень умны. Но поскольку юридическая фирма отправила обращение в электронном виде, а также с помощью традиционной бумаги будет несложно идентифицировать клиента.

Харри потягивал кофе, который уже остыл, поставил чашку и одобительно кивнул:

— Тогда давайте начнем.

Бак встал.

— Я полагаю, что я больше не нужен. У Харри есть все детали и моя контактная информация, так что свяжитесь со мной, когда это будет нужно. Было приятно познакомиться, Миккель. — Бак бросил взгляд на орхидеи. — Я никогда не встречал специалиста по компьютерам, который имеет страсть к цветам.

Миккель посмотрел на красочный наряд Бака Фрейзера:

— А я никогда не встречал американского генерального директора, который не из серой копии клонов других директоров.

Смех Бака прокатился по узкому офису:

— Вот доказательство, Харри, что одежда делает с вашим воображением.

Теперь засмеялся Миккель:

– Я не говорил, что это хорошо или плохо, но вы, конечно, оживите любую вечеринку.

Бак попрощался с Миккелем.

– Пожалуйста, вызовите такси, которое отвезет меня обратно в аэропорт.

Когда Харри и Миккель остались одни, они отправились в компьютерный центр. Харри наблюдал за датчанином, пока тот набирал код в специальном поле. Минуту спустя четыре экрана засветились, и Миккель повернулся к Харри.

– После нашего телефонного разговора сегодня утром я сделал поиск в Интернете и включил некоторые ключевые слова, которые вы упомянули. Киберпространство изобилует интересными деталями. Вы знаете, *ГМО* образовали целое минное поле противоречивых взглядов, не так ли?

Харри уставился на Миккеля:

– *ГМО*?

– Генетически модифицированные организмы. *ГМО*. Спорная тема, которая в большей степени основывается на вере, чем на науке. Представления меняются, и политические деятели и ученые делятся на различные школы. Бак Фрейзер кажется весьма компетентным бизнесменом, и он не может купить кота в мешке.

Харри кивнул.

– Его компания находится в беде. Цены на акции упали, потому что их исследовательский проект о раке стал более дорогостоящим, чем ожидалось, и результаты несколько раз откладывались. Но насколько я знаю, Бак вполне способен обнаружить обман.

– Но если само существование фармацевтической компании зависит от этой сделки, то насколько важны этические соображения?

Харри знал, что Бак будет идти очень далеко, в том числе растягивая границы священных принципов, чтобы создать новые возможности для бизнеса. По-видимому, датский компьютерный гений наткнулся на что-то, и Харри поднял бровь:

– Что вы имеете в виду?

– Исследования *ДНК* и генетически модифицированных продуктов изобилуют неудачными экспериментами.

– Почему вы не озвучили свои сомнения в то время, когда Бак был здесь?

– Потому что есть и истории успеха, и я не в состоянии рассуждать объективно на эту тему. Более того, я не знал содержание контракта, и мое знание основано на хаотических результатах поиска. Совершенно очевидно, однако, что исследования в отношении генетически модифицированных организмов являются спорными. *ГлобалХим*, как следует из названия, является всемирной компанией, и я уверен, что Бак и его команда управления знают, что это будет длинный путь, прежде чем все аспекты генетических исследований будут выяснены.

Миккель посмотрел на компьютеры и быстро заработал на клавиатуре. Минуту спустя три монитора были заполнены данными, он повернул один из экранов, чтобы Харри мог прочитать текст, и произнес:

– Этот отчет показывает, что двадцать процентов массы человеческого *ДНК* уже запатентованы.

Харри покачал головой.

– Я не понимаю, как можно патентовать человеческие клетки. Говорят, что наши гены не обладают абсолютной моделью поведения, но адаптируются к постоянно меняющимся условиям. Я не уверен, что понимаю, как вы собираетесь с этим работать, Миккель.

– Тогда посмотрите другой отчет. — Миккель указал на другой экран и выделил соответствующие разделы. — Прочтите!

Харри изучил отмеченные строки.

– Скажите мне, какие факты? Я не понимаю!

– Факт состоит в том, что генетически модифицированные сорта кукурузы требуют больше полива и удобрений, чем природные сорта, а дают урожая меньше.

– Этого просто не может быть!

Миккель указал на последнюю часть документа.

– Вот ссылки, каждый может посмотреть их. Вы сомневаетесь в компетентности диссертаций университетских ученых?

Харри изучил названия участвующих университетов. Миккель показал раздел в тексте.

– Прочтите тогда это.

Харри прочитал и посмотрел на Миккеля:

– Но если есть документированные примеры испытаний на людях, животных и растениях, у которых были изменены *ГМО*, почему это не общеизвестно? Там должны быть подводные камни.

Миккель показал ему схему на третьем мониторе.

– Посмотрите на эту историю, Харри. Тезисы, факты, а не фантастика. Генетически модифицированные соевые бобы, вызвавшие смерть у лабораторных крыс. — Он пролистал вниз. — Вот еще один пример: *«Генетически модифицированный хлопок вызывает симптомы аллергии у людей»*; *«Геномодифицированный горох вызывает пневмонию и пищевую гиперчувствительность у мышей»*. А как насчет этого?

Он выделил строку в таблице в четыре колонки, прежде чем продолжить:

– *«Генетически модифицированная кукуруза, которую вы можете купить в любом супермаркете, в результате вызывает болезни и смерти у людей, коров и крыс»*. Я мог бы найти больше, если бы у меня было время, потому что есть намного больше примеров. Позвольте мне просто добавить, у подопытных крыс были разрушены их внутренние органы, в том числе появились язвы в желудках, потому что они питались генетически модифицированными помидорами и картофелем. Я не занимался хакерством, это прямо здесь, черным по белому, к тому же источники безупречны. Представьте себе, если бы это были дети. Что скажите на это?

Харри покачал головой.

– Как я уже сказал, это, должно быть, преднамеренная дезинформация от заинтересованных лиц.

Миккель проигнорировал комментарий и продолжил:

– Когда я проснулся сегодня утром, я знал о *ГМО* и *ДНК* столько же, сколько и обычные люди на улице. То, что вы только что прочитали, можно просто найти в интернете, я ничего особенного не делал.

Тишина на чердаке казалась какой-то глубокой. Харри был поражен. Бак был его клиентом, и он решал такого рода задачи без опасений по поводу этической значимости или мотивов. Однако если кто-то приближался к краю обрыва, он трубил тревогу. *Старый бульдозер*, он не с завязанными глазами, и он, конечно, имел веские основания для привлечения их двоих вместо использования собственных специалистов компании.

Харри потянулся за чашкой кофе.

– Если то, что вы нашли, правда, то я еще больше заинтересован найти людей, которые стоят за этим контрактом. — Он повернул монитор обратно к Миккелю и добавил: — Не ошибайтесь, Бак более коварен, чем кажется.

Миккель выключил компьютеры и встал.

– Давайте продолжим в гостиной.

Гостиная — было громким словом для тесной комнаты, но благодаря панорамному окну она была наполнена светом. Они сели друг напротив друга, Миккель рассматривал страницы контракта.

– Вот что-то я не понимаю... Что фармацевтическая компания делает с генетически модифицированными растениями?

Харри мельком глянул на диаграмму в блокноте.

– Позвольте мне проиллюстрировать. Бак Фрейзер является председателем и главным исполнительным директором холдинга *ГлобалХим*, который имеет целый ряд связанных химических и фармацевтических компаний. Исследования были сделаны в рамках одной компании, которая относится к другой, которая, в свою очередь, относится к третьей, *ОДНАКО*, все предприятия принадлежат *ГлобалХим*. Это как совместный научно-исследовательский центр, который работает во всех подразделениях. — Харри положил карандаш и добавил: — Я не эксперт, когда речь идет о науке, но знаю, что компании разрабатывают травяные лекарства. Это объясняет *ГМ* траву.

– Вы не возражаете определению «*фитотерапия*»?

Харри улыбнулся.

– Я, на самом деле, знаю немного, как это происходит. Несколько лет назад я работал над делом древней *фитотерапии* в Шотландии. Как правило, она основана на травах и растениях, свободных от синтетических добавок, и в лучшем случае без применения удобрений и химикатов. Вопрос, можно ли *ГМО* назвать органическим в традиционном смысле этого слова? Еще больший вопрос, как анонимная компания *Гениом* может проводить исследования в различных сегментах и предлагает патенты на все? — Харри посмотрел на Миккеля. — Что-то подсказывает мне, что мы должны копать глубже, если хотим добиться успеха в поиске людей, стоящих за этим контрактом.

– Если бы я точно знал, что мы ищем, то я бы гарантировал вам, что мы найдем это.

– Умник! Не забудьте отчет для *ГлобалХим* с выходом на новые рынки, основанный на исследованиях других ученых в результате блокирования потенциальной конкуренции.

Миккель нахмурился.

– Возможно ли сохранить новаторские исследования в секрете надолго? Конечно, нет, когда участвуют патенты! Знание доступно, и патенты... С чего мы начнем, Харри?

13

Альберт Нуган выглянул из окна своего кабинета на втором этаже и увидел засаженную деревьями аллею, ведущую от ворот с электронным управлением в пределах огороженного парка к главному входу.

Это была необычная клиника, находящаяся на полпути между Мюнхеном и Штутгартом. Она совмещала клинику и исследовательский центр и была расположена в средневековом замке, что давало значительные преимущества.

Во-первых, потому что романтическое здание символизировало силу; во-вторых, горный массив вокруг замка предотвращал любопытные взгляды случайных прохожих. Никто, кроме немногих избранных, не имел доступа к научным исследованиям, которые проходили в пределах лабораторий, в специально переоборудованных комнатах в одном из крыльев замка. Гости и пациенты, которые пользовались услугами клиники с ее идиллическим окружением и научными достижениями, могли попасть в нее *только* по предварительной записи.

Альпенроуз, оригинальное название замка, сохранил большую часть фасадов благодаря дорогостоящей реновации средневекового строения – трехфутовые гранитные и известняковые стены высотой в четыре этажа. На окнах были кованые металлические решетки с красивым узором в виде тюльпанов, которые в свою очередь служили больше целям безопасности, чем просто украшением. Все было защищено электронной системой сигнализации. Две башни с медными шпилями, которые изначально служили дозорными постами, были просто причудливой деталью, а башня с часами в центре массивного здания добавила романтический отте-

нок и была украшена балконами. Однако не было ничего романтического в отношении целей *Альпенроуз*.

По мнению Альберта Нугана, одной из проблем обеспечения репродуктивных предпочтений было то, что клиенты, вкладывающие средства в заранее определенные гены для своих будущих детей, не понимали, что получить все это практически невозможно. Часто это был выбор ума или внешности, и повторяющийся вопрос заключался в том, какими должны быть сами родители.

Хотя были исключения из этого правила, но они были немногочисленны, и Нуган признавал, что одно не обязательно исключает другое, гарантировать это было просто невозможно.

Другим аспектом, хотя и не менее значительным, было предоставление доноров, которые чаще всего были мертвы и чрезвычайно дорогостоящие. Проекты оказались настолько дорогими, конечно, из-за современных научных исследований. Проект генетического наследия представлял собой передовые международные исследования *ДНК* и стволовых клеток. Чрезмерные затраты были вызваны также в связи с привлечением лучших научных умов, которые были свободны в своих исследованиях и могли не моргнув глазом потратить целое состояние в поисках имитации «жизненных чудес».

Спорный вопрос был в том, являются ли методы получения «сырых материалов» от умерших гениев с конкретными генами этически и морально обоснованными. Но также, независимо от менталитета, стоимость не была предметом переговоров, она должна была быть высокой, и не в последнюю очередь с психологической точки зрения. Редко, но, тем не менее, деньги, давали повод для беспокойства клиентов.

Альберт закрыл глаза, созерцая свои видения.

Сама процедура — минутное хирургическое вмешательство, которое обеспечивало здоровую и нормальную беременность будущей матери и которое, помимо фактического оплодотворения, требовало тщательной лабораторной работы.

Его огромной компании требовалась не только значительная команда ученых, врачей и специалистов, но так же, начиная от водителей, садоводов и высококлассных грабителей, вплоть до профессоров и коллег лауреатов Нобелевской премии, и, конечно же, медсестер. Тем не менее, даже самые лучшие эксперты мало что могли сделать без использования современных технологий, лабораторий и клиник, у всего этого была высокая цена. Прогресс не давался легко, и он не был случайным.

Приготовив себя мысленно к следующей встрече, Альберт Нуган переключил внимание на внутренний двор, где рядом со старыми конюшнями были припаркованы *Mercedes*, *Audi A8* и *Mini Cooper*.

Он посмотрел на стену с коллекцией красочных холстов с изображениями спиралей и органических форм, нарисованных Хундертвассером¹², задаваясь вопросом, какие процессы повлияли на мозг австрийского живописца, когда он отказался от своего настоящего имени Фридриха Штовассера и вместо этого назвал себя Фриденсрайхом Хундертвассером. Хотя он никогда не узнает ответа, Нуган понимал, что, скорее всего, новое имя не только имело символическую ценность, но и создало альтернативную личную идентичность, своего рода психологическое искушение.

Нуган посмотрел на противоположную стену, где пара ранних картин Пикассо¹³ рассказывала о «голубом периоде» художника, он причислял себя к компании самых выдающихся художников мира, людей, которые были в постоянном поиске, переходя от одной точки существования к другой. Нуган пришел к выводу, что все было на самом деле переходящим, без искусства нет развития.

---

¹² Фриденсрайх Хундертвассер (настоящее имя — Фридрих Штовассер) — австрийский архитектор и живописец.

¹³ Пабло Пикассо — испанский и французский художник, скульптор, график, театральный художник, керамист и дизайнер.

Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

Художники были свободными, они могли бороться со своим прошлым, переживать свои фобии и травмы, и все же возвращаться в настоящее и выполнять свои зрелищные сообщения через изумительный мир пассивных наблюдателей и зрителей.

Труднее складывалась жизнь для ученых, хотя действительно были сходства с этим миром Пикассо, Хундертвассера, Миро¹⁴ и Дега. На самом же деле современная наука разрушила рамки традиционной мудрости, открыв новые возможности вселенного масштаба. Но как сделать это понятным миру?

Он изучил детали одной из картин. Большинство людей, посещавших его кабинет, притворялись, что понимают их, но вопрос, касающийся следующего клиента, состоял в том, насколько он действительно знал о жизни и истинном значении искусства или науки. Нуган не был уверен, что стоит вникать в детали, касающиеся фактора вероятности, потому что как бы ни было превосходно качество генетически модифицированных клеток, результаты не были гарантированы.

Эксперименты с лабораторными животными по поводу развития определенных качеств неоднократно показывали, что природа имеет свой собственный способ определения приоритетов определенных признаков. В некоторых случаях предпочтительные гены полностью игнорировались, в то время как в других они были заметны. Многие факторы сыграли роль в сознательном развитии особых талантов и качеств, не в последнюю очередь в условиях после рождения, а в физических и психических аспектах, в окружающей среде и в будущем подростковом возрасте.

Он открыл окно и почувствовал прохладный, ароматный горный воздух. Выбор места был идеальным. Для достижения этой цели потребовалось приложить усилия, а для большинства клиентов несколько часов езды было преимуществом в силу того, что у них была возможность дважды подумать, прежде чем принять одно из самых важных решений в жизни.

Альберт заметил серебристый *Jaguar*, подъезжающий к воротам клиники, подошел к зеркалу Людовика XIV, провел пальцами по седой гриве, скривив губы наподобие улыбки, глубоко вдохнул, задержав дыхание на несколько секунд. Затем поправил воротник светло-голубой рубашки и решил не надевать галстук, вернулся к столу, надел черный пиджак, висевший на спинке стула. Альберт остановился и посмотрел на портрет молодой женщины с густыми медно-рыжими волосами, повернул фото так, чтобы его не было видно с гостевого кресла.

Через пять минут раздался стук, секретарь открыла дверь и заглянула в кабинет:

– Пришел ваш клиент.

Мужчина, который вошел, выглядел как европейский бизнесмен: не вызывающе, но дорого одет, с темно-каштановыми волосами. Он с любопытством осмотрел кабинет, заметил картины на стенах и скульптуру Джакометти¹⁵ размером с человека, но воздержался от комментариев.

Альберт Нуган произнес:

– Пожалуйста, садитесь, месье.

Затем он открыл папку, которая лежала на столе. На обложке не было названия, только код, состоящий из букв и цифр. Он успокаивающе улыбнулся.

– Я рад, что вы решили продолжить наш разговор. Думали ли вы о последствиях, месье?

Мужчина заерзал в кресле, прежде чем посмотреть прямо в глаза ученого.

– Трудно, когда нет подробной информации для ознакомления.

Нуган много раз слышал это и ответил:

---

¹⁴ Жоан Миро — каталонский (испанский) художник, скульптор и график.

¹⁵ Альберто Джакометти — швейцарский скульптор, живописец, график, один из крупнейших мастеров XX века.

— Я уверен, вы можете понять, что это обязательное условие. Такие решения всегда должны быть частным делом. Есть политики и упрямые личности в *СМИ*, которые хотели бы положить конец свободе людей выбирать способности и таланты для своих детей. Однако большинство из них не имеют такой возможности, за исключением, конечно, естественного дарвиновского отбора, и даже тогда большинство из них не будет испытывать такую свободу. — Он сделал короткую паузу, а затем посмотрел на клиента, подняв глаза над своими квадратными очками. — Мне жаль говорить, что большинство людей не выбирают своих супругов на основе объективных критериев, потому что они находятся под воздействием своих чувств. Говорят, что самым важным экономическим решением в жизни человека является покупка дома. Я говорю, что самым важным решением для всех является выбор человека, который станет матерью или отцом будущего ребенка. Я уверен, вы понимаете.

— Конечно, но осложняет ситуацию то, что я не могу пригласить мать моего будущего ребенка на эту встречу. Более того, цена...

Нуган мгновенно прервал его:

— Вы подписали контракт и заявление о конфиденциальности, заплатили депозит в размере 150 000 евро. Другая половина выплачивается непосредственно перед процедурой. Тот факт, что затраты на высоком уровне, месье, обусловлены не только научными расходами, но и строгими мерами безопасности, которые охраняют наши услуги. Мы гарантируем нашим клиентам анонимность и не используем фактических имен, этим самым мы защищаем вас. Если бы ваша жена узнала подробности и между вами возникли бы разногласия за или против, то наши документы могли бы попасть в суд по разводу, и это может нанести непоправимый вред не только для вас, но и для всех других пар, которые обращались к нам.

Нуган сделал еще одну паузу, прежде чем задать вопрос, который он все это время хотел задать: — Я был честен в разговоре с вами на нашей последней встрече. Вы знаете возможные последствия, и у вас было достаточно времени все обдумать, так что вы решили?

Мужчине стало неудобно под взглядом Нугана, и он отвел глаза.

— Естественно, я хочу, чтобы мой будущий ребенок был похож на меня. Хоть немного.

— Я могу заверить вас, что многие родители хотели бы, чтобы их потомство не имело больших ушей, длинных или кривых носов, плохих зубов, чрезмерного или недостаточного роста, жидких волос или преждевременно стареющих лиц. Не все благословляются прекрасными данными, такими как ваши, месье. Некоторые из самых влиятельных людей в мире не очень красивы, но часто довольно очаровательны и обладают сильными качествами. И тогда это уже разговор не о внешности, а о личностных качествах и силе воли.

Мужчина кивнул.

— Я понимаю, но вы также должны понять меня.

— Конечно, да, но если внешний вид вашего ребенка является главной проблемой, то я могу заверить вас, что если ваш ребенок родиться с резко отличающимися чертами лица, ростом или фигурой, чем вы, то вы не будете этого замечать через некоторое время. — Нуган откинулся назад в кресле, заложив руки за голову, а затем продолжил: — Удивительно, но и замечательно то, что бабушки и дедушки и их родственники всегда, я повторяю, *ВСЕГДА* видят в своих внуках черты, похожие на *их* родовые ветви, даже когда речь заходит об усыновленных детях. Странно, вам не кажется? Это касается обеих сторон семьи, поэтому не нужно беспокоиться.

Нуган перевел взгляд с клиента и теперь смотрел в окно на горные вершины вдали. По опыту он знал, что тишина в его кабинете, оформленном в стиле Ренессанса, оказывает успокаивающее воздействие на нервную систему.

Через некоторое время он снова заговорил, его голос стал несколько громче:

— Может быть, вы передумали? В этом случае ваш депозит будет потерян.

Мужчина дернулся.

– Конечно, нет! Мне было интересно, можно ли поступить по-другому, чтобы моя жена ничего не заподозрила. Я уверен, что у вас были подобные случаи.

– Что вы имеете в виду?

– Для того чтобы этот проект имел успех, если я правильно понял вас, необходимо оплодотворить ее так же, как если бы я не смог сделать ее беременной естественным путем, я прав?

– Мы не можем сделать это с помощью таблетки, если это то, что вы имеете в виду, и использовать вашу собственную сперму независимо от того, насколько она хороша, потому что она не обеспечит желаемые репродуктивные предпочтения.

– Я знаю об этом, но моя жена всегда пила противозачаточные таблетки, поэтому она не знает о моей плодородной способности. Теперь вы понимаете, куда я клоню?

Нуган кивнул.

– Пожалуйста, продолжайте.

– Если я скажу ей, что я сделал тест на семенную жидкость, так как не был уверен, что все в порядке в моем возрасте и что есть сомнения в качестве моей спермы, то ее будет легче убедить в искусственном оплодотворении.

– Сколько лет вашей жене?

– Мы примерно одного возраста.

– Итак, вам обоим за тридцать. — Нуган изобразил улыбку профессионала. — Тогда я гарантирую, что проблем не будет.

– Как вы можете быть так уверены?

– Когда женщина приближается к сорока годам, и она еще не родила ребенка, особенно если есть обоснованное сомнение в том, может ли она выносить ребенка, она примет любое решение. Поверьте мне, мы уже проходили этот сценарий много раз. Главное, что мы с вами договоримся, что ей сказать. — Мужчина собирался ответить, но Нуган перебил его, подняв руку. — В этом отношении не может быть колебаний.

Мужчина, чей клинический код был *ANQ47J5*, улыбнулся.

– Если бы я мог верить вам...

– Вы можете.

– Сейчас она перестала принимать противозачаточные таблетки, так как мы серьезно относимся к тому, чтобы завести ребенка. Тогда, может быть, вы также можете придумать, как мне справиться с этой необычной деталью?

Нуган играл ручкой.

– Мы сделаем вас временно бесплодным, и тогда вы сможете весело проводить время с женой, как вам угодно. Противозачаточные таблетки для мужчин. Этот вариант уже давно доступен, но лишь немногие решились использовать его. Соответственно, эти таблетки не являются коммерчески привлекательными для фармацевтической промышленности. — Нуган пожал плечами. — Люди так странны. Даже в просвещенном обществе таблетки для борьбы с рождаемостью делают для женщин. Было бы разумнее, если бы это был тот человек, который делает детей. Почему я так говорю? Потому что традиционно мужчины гуляют больше, чем женщины. По крайней мере, так было, и женский организм гораздо более сложный и уязвимый в репродуктивных областях. Долгосрочный эффект противозачаточных таблеток еще не полностью изучен, по крайней мере, официально это похоже на мобильные телефоны: производители уничтожают доказательства и ссылаются на другие исследования, в то время как научные показатели указывают на развитие рака и другие серьезные последствия.

ANQ47J5 кивнул.

– Тогда что нам теперь делать?

Нуган протянул лист бумаги через стол.

– Вы подписываете этот документ, в котором кратко говорится, что вы рассмотрели возможные последствия и нашли их приемлемыми, а затем мы продолжим.

Мужчина взял бумагу, прочитал ее и подписал без каких-либо колебаний.

Нуган взглянул на документ, кивнул и положил его в папку. Затем он встал, выбрал бокс для таблеток из старинного шкафа с матовым стеклом и вручил его мужчине.

– Вы принимаете одну таблетку каждое утро в течение двух недель, а затем ваша жена может перестать принимать свои таблетки. В это время вы продолжаете принимать таблетки, а когда она через пару месяцев не забеременеет, вы убедите ее, что вам нужна профессиональная помощь. Однако не волнуйтесь, потому что у вас будет достаточно времени, чтобы подготовить свою правдивую историю. Сделайте так, чтобы она не знала, что вы принимаете таблетки, и если она найдет их и прочтет надпись на упаковке, она ничего не поймет. Этот конкретный бренд не существует ни в медицинской карте, ни в официальных фармакопеях. Скажите ей, что у вас гиперчувствительность и вам предложили безвредную экспериментальную медицину. Вы поняли?

Мужчина кивнул.

– Значит это таблетки для мужчин? И нет никаких рисков или побочных эффектов?

– Существует риск во всем, что мы делаем, месье. Даже обычная поваренная соль смертельно опасна в неправильной дозировке. На самом деле вам не нужно много. Все в жизни вопрос дозировки! Но если вы спросите меня, насколько велика опасность, я могу сказать вам, что мы еще не знаем *никаких* побочных эффектов, которые не исчезают после того, как вы перестанете принимать таблетки.

Мужчина взял бокс и положил в карман.

– И в отношении конкретных генов, которые я просил. Как дела по этому вопросу?

– Нет двух одинаковых случаев. Мы всегда начинаем с нуля. И в вашем случае тоже. Вы хотели, чтобы ваш наследник был математическим гением, великим мыслителем, не так ли?

Мужчина кивнул с нетерпением.

– Я хочу, чтобы моя компания процветала в будущем, чтобы мой преемник был лучше подготовлен к этой цели, чем был я, когда взял на себя ответственность после моего отца. Пол тоже важен. Мой сын должен иметь возможность продолжить семейную династию и поддерживать традиции.

– Конечно, но вам не нужно объяснять это мне, месье. Я сообщу, когда мы будем готовы.

– Я предполагаю, что могу узнать, кто донор.

Нуган обезоруживающе улыбнулся.

– Вы уже описали потенциальные образцы для подражания, и в свое время мы сообщим вам, кого мы выберем. Это будет, однако, только на словах.

– Тогда как я буду уверен, что мой будущий наследник обладает генами, за которые я плачу?

– Вы должны доверять мне, месье. — Он помедлил, прежде чем добавить: — У меня не было бы частной клиники в этом горном замке, если бы я не оправдывал ожидания моих клиентов до мельчайших деталей.

Нуган поднялся, подошел к другой стороне стола и положил руку на плечо своего клиента.

– Вы получите наследника, который принесет вам большую честь, месье. — Он проводил его до двери и добавил: — Вы можете установить дату нашей следующей встречи с секретарем. До свидания, месье!

Прежде чем заставить себя подумать о чем-то другом, Нуган вернулся к столу, посмотрел на портрет женщины и поднял трубку:

– Есть ли новости о наших математических гениях?

Ответ последовал незамедлительно:

– У меня есть несколько человек на примете, но это довольно сложно.

– Просто продолжайте... Должно быть возможным идентифицировать образцы тканей, по меньшей мере, от одного из пациентов. Это важно для клиента, и помните, что деньги не проблема. Продолжайте!

Он повесил трубку и задался вопросом, будет ли преемник *ANQ47J5* точной копией оригинала. Это было бы не меньше, чем всемирная сенсация, если ребенок, когда вырастет, полностью будет выглядеть и вести себя, как оригинал. Тем не менее, это также будет победой для человечества, потому что новая версия гения будет в состоянии продолжить то, на чем остановился предшественник. Прежде всего, это был бы здоровый и энергичный ребенок.

14

Миккель и Харри определили основные пункты контракта *Гениом* и кратко записали свои непосредственные ассоциации, мысли и ключевые слова в блокнот.

Они обсуждали научные термины и выражения, когда Миккель откинулся назад и покачал головой.

– Я – компьютерный специалист, а не научный аналитик. Я ценю вашу уверенность, Харри, но этот случай с *Гениом* намного превосходит мои способности.

– Это именно то, что я изначально сказал Баку, но у нас уже есть больше, чем вы думаете, Миккель. Поэтому прежде чем опускать руки, я предлагаю вам использовать наше резюме для быстрого поиска в Интернете. Если вы добавите фильтры для устранения дебатов в старших классах и любительского научного общения, я уверен, что-то появится.

Миккель пожал плечами.

– Я думаю, что стоит попробовать.

– Сделайте это, пока я поработаю над сводкой.

Харри подошел к стене, где прикрепил свои заметки, и прочитал заголовки.

Репродуктивные предпочтения-ассоциации:

- Искусственное оплодотворение;
- Помощь бездетным парам – гетеросексуальным и гомосексуальным;
- Ученые и врачи;
- Связанные исследовательские институты и клиники;
- Исследование наследственности;
- ДНК-исследование ГМО;
- Связанные фармацевтические исследования;
- Растения ГМО.

Он сорвал бумажную заметку и наклеил ее на стену, напротив Миккеля.

– Как ваш прогресс?

– Есть результаты из нескольких частных веб-сайтов, а также клиник по искусственному оплодотворению, исследовательские работы, касающиеся дефектов плода, которые составляют несколько страниц, тысячи обращений в каждой категории, и невозможно понять, какие из них правдивые.

Харри изучил результаты на множестве мониторов.

– Нам нужно уточнить критерии. Сколько слов в поисковых системах?

– Крупные порталы принимают до 32 слов. Я включаю как можно больше заголовков, а затем смотрю, что происходит. Нам нечего терять.

– Хорошая идея!

Харри начал писать на новом листе:

Патенты:

- Патентные агентства;
- Патентные юристы – эксперты – специалисты – консультанты;
- Университеты – Частное исследование;
- ДНК;
- Ученые ГМО;
- Биотехнологии.

— Вам повезло на этот раз? – спросил он.

Миккель вздохнул.

– Результаты уменьшились примерно до 700 — 1000 обращений в каждой категории. Если вы попытаетесь оценить качество данных, вы проведете остаток ночи здесь. И утро тоже.

– Нет, спасибо, но я думаю, что мы достигли точки, когда могли бы воспользоваться помощью квалифицированного патентного консультанта, специализирующегося на биотехнологическом секторе.

Миккель нахмурился.

– Я не думаю, что анонимные ученые *Гениом* обращались в патентные агентства под своими именами. Это то же самое, что пригласить общественный контроль.

– Я не это имел в виду, но опытный эксперт по патентам знает все, что происходит в мире биотехнологий.

Миккель снова заработал на клавиатуре и через мгновение повернулся к Харри:

– В Дании семь основных патентных агентств. У вас есть предпочтения?

– Конечно, мы начнем с самого крупного.

На экранах быстро появились сайты патентных агентств, которые предоставляли доступ к различной информации и областям знаний, и он щелкнул «*Специальности*». Экран заполнился новой информацией, «*Биотехнология*» была включена в один из разделов. Он снова щелкнул.

– Мы даже получаем имена и фотографии консультантов.

Харри изучил профили.

– Доступна ли информация на английском языке?

Миккель нажал на английский флажок в верхнем правом углу, и вся информация стала на английском языке.

– Вы хотите распечатать их все?

Харри кивнул.

Через несколько секунд все было готово, и он быстро просмотрел резюме на 21 специалиста.

– Вы можете получить дополнительную информацию о Хенри Палудан-Поулсен?

– Момент...

Харри изучил полученную информацию, а затем поднял глаза.

– Он старый профессионал в бизнесе, должен знать все, что касается промышленности.

Повторим процедуру с номером два и три из списка.

Вскоре Харри было передано несколько страниц. Он быстро просмотрел их и выбрал новое имя.

– Несмотря на то, что Андреас Хансен довольно молод, его рейтинг высок, и он представляет интересы крупных международных компаний. Теперь у нас есть два эксперта, нам просто нужен еще один.

Миккель извлек данные о персонале из третьего крупнейшего патентного агентства, и на этот раз Харри выбрал женщину, Биргитте Хатмэнн, чья специализация — генная инженерия.

– Найдите все, что можно узнать о ней, и закончим на сегодня. — Он подавил зевок и добавил: — Вы, вероятно, можете порекомендовать место поблизости, где я могу остановиться.

– Я бы пригласил вас к себе домой, но моя жена беременна. Вы знаете, как беременные женщины иногда чувствуют себя поутру, поэтому неожиданные гости пока не в моде. Я не уверен, что в гостинице в Тоорбик есть свободные номера, но поблизости есть *Гостевой Дом*, и у них отличный ресторан.

Сохранив последнюю информацию, Миккель выключил компьютеры, и они покинули коттедж. Они поехали на север, вдоль прибрежной дороги, и через несколько минут Миккель остановил машину перед особняком — *Гостевым Домом*, который находился в приморской деревне под названием Сковхуль.

– Итак, каков план на завтра?

– Мы сэкономим время, если разделим задачи между собой. Я буду консультироваться с патентными экспертами, пока вы продолжите искать информацию в Интернете.

Харри бросил взгляд на причудливый отель и вышел.

15

Принстонский университет, расположенный между Филадельфией и Нью-Йорком, похоже, имеет много общего с такими университетами, как Оксфорд и Кембридж.

В этом университете Джона Исаксона привлекала возможность исследовать всепоглощающий его интерес — человеческий мозг. Он был доцентом в «*Центре изучения мозга, сознания и поведения*» и, несмотря на огромные научные инвестиции университета, постоянно испытывал нехватку средств на свои исследования. Как и других университетских ученых и преподавателей его часто приглашали принять участие в специальных мероприятиях, которые привлекали внимание к важности проводимых исследований. Такие мероприятия собирали средства, и поэтому он всегда участвовал в них.

Он встретил Альберта Нугана восемь лет назад на одном из таких мероприятий, где они обменялись мнениями относительно отношения нейронов к глиальным клеткам мозга. В конечном итоге они обсудили мозг Эйнштейна¹⁶. Его мозг имел необычную плотность нейронов в коре и содержал больше нейронов, чем средний, и это несмотря на то, что мозг гения весил всего 1230 граммов, в то время как обычно вес мозга у мужчин — 1400 грамм. Вскоре после этого отдел Джона Исаксона получил грант в размере 200 000 долларов от анонимного европейского фонда. Такие пожертвования были необычными, и университет одобрил это, что означало, что Исаксон мог нанять двух помощников, чтобы возобновить исследовательский проект, который посредством анализа *ДНК*, среди прочих целей, заключался в выявлении генетических различий между мозгом Эйнштейна и обычными людьми.

В последующие годы его отдел получал дополнительные 100 000 долларов ежегодно, поверх первоначального гранта. Джону Исаксону потребовалось пять лет, прежде чем он заметил совпадение посещений Нугана и растущие гранты. Когда он, наконец, нашел мужество, чтобы спросить, Нуган подтвердил, что он фактически был посредником оплаты проведения исследований ученого, и в случае возникновения необходимости деньги будут предоставлены снова.

За последние три года европейский фонд пожертвовал дополнительные средства на счет, не принадлежавший университету, которые Исаксон мог бы использовать по мере необходимости. Не было задано никаких вопросов относительно использования этих средств, единственным условием, которое он должен был принять, — сделать результаты своих исследований

---

¹⁶ Альберт Эйнштейн — физик-теоретик, один из основателей современной теоретической физики, лауреат Нобелевской премии по физике 1921 года.

доступными для анонимного благодетеля, который, в свою очередь, гарантировал полную конфиденциальность.

Несмотря на то, что обе стороны придерживались этого соглашения, стало неожиданно, когда Исаксону однажды поздно вечером позвонил его европейский посредник.

— Наша частная договоренность была скомпрометирована, — начал голос с французским акцентом. — Фонду требуются квитанции на суммы, выставленные на отдельный счет.

Была выдержана пауза, прежде чем европеец добавил:

— Однако если вы правильно потратили средства, это не должно вызвать проблем. Просто сделайте сканирование записей расходов и отправьте мне копии по электронной почте.

Джон Исаксон потерял дар речи, это продолжалось несколько секунд, прежде чем он смог собраться с мыслями.

— Там... Э-э... Были непредвиденные расходы. Усиленное исследование привело к тому, что мне пришлось «жонглировать», чтобы все были счастливы.

— Нет проблем, если вы помните, что средства были выделены на исследования. Я уверен, что у вас не было соблазна потратить их на что-нибудь еще.

Исаксон занервничал, прежде чем связно ответить:

— Не совсем... Я... Э-э... Я только позаимствовал со счета несколько раз и верну все со временем.

Нуган сделал вид, что ничего не знает о приобретении нового автомобиля ученым из Принстона на день рождения своей жены полгода назад.

— О чем мы говорим?

Исаксон начал кашлять, и, когда собрался с духом, ответил:

— Около 60 000. Но, как я уже сказал, я все отдам.

Нуган, который знал, что реальная сумма была намного больше, продлил молчание для большего эффекта, и когда он, наконец, заговорил, в его голосе слышны были нотки примирения.

— Возможно, в этом нет необходимости, мой дорогой ученый. Сначала скажите мне, на что вы потратили деньги?

— Были некоторые... Э-э... Непредвиденные расходы личного характера, кое-какие вещи...

— Но, дорогой Исаксон, если мы хотим получить одобрение Совета, вам нужно быть более конкретным.

На линии стояла тишина.

— Вы здесь, Исаксон?

— Это не так просто... Это может занять некоторое время, прежде чем я смогу собрать нужную сумму. Неужели необходимо немедленно сообщить об этом?

— Это было бы нарушением устава, если бы я этого не сделал. Но поскольку ваши исследования, о которых сообщалось, были успешными, я посмотрю, сможем ли мы продлить вам срок на неделю или две... В память о старых временах. Разве это не то, о чем вы просите?

— Это очень мило с вашей стороны, но вы должны понимать, что зарплата университетских исследователей намного ниже, чем у ученых в коммерческих компаниях. Мне понадобится как минимум год или два...

— Все больше причин *ходить на цыпочках*, пока мы не узнаем подробности. Было бы стыдно, если бы нарушения в связи с доверенными средствами стали достоянием общественности. Это именно тот хаос, который погубит хорошую карьеру! — Нуган громко вздохнул, прежде чем продолжить: — Но вы прекрасный ученый и исследователь, Исаксон, возможно, есть еще другой способ решения этой проблемы?

— Все, что скажете!

– Вы помните историю с мозгом Эйнштейна много лет назад? Единственную часть его тела, которую он одобрил для вскрытия после своей смерти. Остальная часть тела была кремирована.

– Все в Принстоне знают эту историю, и это правда. Он был здесь профессором, и именно здесь он умер.

Нуган, наконец, решился и сказал:

– Однако через некоторое время его мозг исчез, и никто не знал, как это случилось, пока журналисту местной газеты не было дано задание выяснить, что же произошло. По моим источникам, мозг вернулся в Принстон, я прав?

– Части мозга, да. Но я не понимаю, почему вы вспомнили эту старую историю?

– Есть услуга, которую вы можете оказать. Это не особенно трудно, и, возможно, я могу оказать вам услугу взамен, но не по телефону, Исаксон. Как насчет встречи в кафе на Майн-стрит в Принстоне завтра утром, перед тем как вам нужно быть в университете?

До того как Исаксон имел возможность ответить, Нуган добавил:

– И почему бы вам не приехать на *BMW* вашей жены, я уверен, что автомобиль доставит вас туда вовремя. Как насчет 7:30?

Голос Исаксона дрогнул:

– Что... Что вы знаете о ее машине?

– Давайте поговорим о машинах завтра, если вы хотите подробностей. Увидимся?

– Но... Но разве вы не в Европе?

– Я там, где я должен быть, Исаксон. Кафе в 7:30.

Исаксон подтвердил, что он будет.

***

Кафе было своего рода закусочной, как на любой главной улице в любом провинциальном американском городке. Длинное узкое здание с полосатым навесом и мигающей неоновой вывеской, говорящей об очевидном: «*Coffee & Diner*»¹⁷.

Длинный узкий стол и барные стулья были терпимыми копиями арт-деко, а в нишах вдоль окон были закреплены столы с виниловыми скамейками, проходы были достаточно широкими, чтобы гости могли покинуть заведение, как только еда и слабый кофе были проглочены.

Джон Исаксон надел бейсбольную кепку и солнцезащитные очки и устроился за столом в углу, поэтому Альберту Нугану потребовалось время, прежде чем он обнаружил ученого.

Он сел, улыбнулся, глядя на кепку и солнечные очки Исаксона, и произнес:

– Разве вы не слишком серьезно относитесь к этому?

– Принстон — университетский город, и вы легко натываетесь на кого-то, кого знаете, или на кого-то, кто знает вас. Я ненавижу быть причиной необоснованных слухов.

– Я думаю, что вы вправе встретиться с благотворителями вашего отдела.

Исаксон покачал головой.

– Это не так. Кроме того, у меня лекция через 45 минут.

Нуган пристально посмотрел на безупречную серебристо-синюю *BMW*

---

¹⁷ Coffee & Diner — кофе и ужин (англ.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.